

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181
УДК 821.161.1

**«Всё простое и ясное
было кем-то превращено в неимоверно сложное»:
Переписка Л.Ф. Зурова и В.А. Мануйлова
(1961–1967)***

© 2020, А.М. Любомудров

Аннотация: Впервые публикуется переписка прозаика русского зарубежья Л.Ф. Зурова и литературоведа В.А. Мануйлова. Главной темой писем стал вопрос о передаче рукописного и мемориального наследия Ивана Бунина, владельцем которого был Зуров, в Россию. Публикация приближает к пониманию причин, в силу которых многолетние переговоры завершились безрезультатно, позволяет уточнить детали и обстоятельства этой истории. Корреспонденция затрагивает имена многих ключевых фигур культурной жизни русского зарубежья и метрополии, содержит характеристики лиц, активно содействовавших возвращению наследия классика, а также функционеров, блокировавших этот процесс. Отражая борьбу литераторов, ученых, музейных работников с партийно-чиновничьей машиной, для которой фигура Бунина оставалась идеологически чуждой, переписка выпукло рисует картину советской культурной политики и общественных настроений 1960-х гг. В ряде писем затрагиваются статьи Л. Зурова о Лермонтове и его работа над романом «Зимний дворец». Публикация позволяет также уточнить психологический портрет Л. Зурова и выявить ряд значимых эпизодов в научной биографии В. Мануйлова.

Ключевые слова: Л.Ф. Зуров, В.А. Мануйлов, архив И. Бунина, русское зарубежье, переписка.

Информация об авторе: Алексей Маркович Любомудров, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: anketaspb@yandex.ru.

Цитирование: Любомудров А.М. «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». Переписка Л.Ф. Зурова и В.А. Мануйлова (1961–1967)// Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 119–181. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181

Эпистолярное наследие Л.Ф. Зурова (1902–1971) необычайно велико. Постепенно оно вводится в научный оборот, открывая новые страницы истории литературы русского зарубежья, добавляя новые штрихи к портретам самого писателя и его многочисленных корреспондентов, среди которых поэты, прозаики, журналисты, художники, реставраторы, искусствоведы, историки, краеведы, археологи, богословы, издатели, библиографы, переводчики, сотрудники научных центров Франции, Чехословакии, Эстонии, Шотландии. В послевоенные годы особенно активной стала переписка Зурова с соотечественниками. Большой пласт ее посвящен научным экспедициям Зурова в Прибалтику, его археологическим и этнографическим разысканиям. Другая значимая тема — фигура Бунина. Во второй половине 1950-х гг. появились первые в советской России издания классика, литературоведы проявляли возрастающий интерес к его биографии и творчеству. В.Н. Бунина и Л.Ф. Зуров охотно откликались на просьбы присылать статьи, заметки, публикации в зарубежных изданиях. После кончины Веры Буниной в переписке Зурова обретает масштаб тема возвращения бунинского наследия в Россию. Как известно, многолетние переговоры кончились безрезультатно. В этой истории еще много непроясненных деталей и обстоятельств. Уточнить их помогает публикуемая переписка с В.А. Мануйловым, она дает представление о фактической (хронология и содержание переговоров) и психологической составляющих.

Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987), выдающийся историк русской литературы, специалист по творчеству Лермонтова, инициатор и главный редактор «Лермонтовской энциклопедии», принадлежит к плеяде сотрудников Пушкинского Дома, с которыми Зуров переписывался на протяжении последнего десятилетия своей жизни, — В.И. Мальшев¹, П.П. Ширмаков, Л.Н. Назарова. С несколькими пушкинодомцами Зуров познакомился в октябре 1960 г. в Париже. Группа ленинградских ученых, в которую входили Л.Ф. Ершов, В.В. Тимофеева, Л.Н. Назарова, Е.И. Кийко и Т.П. Голованова (на тот момент все — сотрудники ИРЛИ), посетила Францию, и трое (Назарова, Кийко, Голованова) побывали в гостях у Буниной и Зурова. Эта встреча положила начало многолетней дружбе². Глав-

¹ «Знаю, что вы любите древний Псков». Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Мальшева (1957–1971) / Предисл., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М., 2016. С. 441–517.

² См.: Голованова Т.П., Назарова Л.Н. Парижские встречи с далеким и недалеким прошлым // Бунинский сборник: (Материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И.А. Бунина). Орел, 1974. С. 295–307.

ным корреспондентом стала Людмила Николаевна Назарова. В ее письмах проступает забота и сочувствие к Зурову, который тяжело перенес кончину Веры Николаевны. В свою очередь, письма Зурова к ней наполнены почти сыновней нежностью: он ощущал острое одиночество и нуждался в общении. Л. Назарова была коллегой и единомышленницей Мануйлова, много десятилетий их связывали дружеские и творческие отношения. Она приняла самое деятельное участие в истории с наследством Бунина³.

В. Мануйлов в 1960–1961 г. переписывался с Верой Николаевной⁴, которая прислала ему отрывок из воспоминаний Бунина о М. Волошине (ученый включил его в свою книгу «Записки счастливого человека»⁵), дарила книги — свою «Жизнь Бунина», «Темные аллеи» И. Бунина, «Алексей Ремизов» Н. Кодрянской. В письме от 13 ноября 1960 г. Мануйлов предложил Вере Николаевне прислать рукопись ее новой мемуарной книги («Беседы с памятью») и несколько бунинских рассказов, надеясь организовать их публикацию в России. (Книга, как написала в ответ Вера Николаевна, еще не готова, и напомнила, что ее мемуары «Жизнь Бунина» (Париж, 1958) планировал переиздать в Москве А.К. Бабореко, но ему не позволили это сделать.) В завершение того же письма Мануйлов задает «смелый и очень важный вопрос: не хотели бы Вы вернуться в Советский Союз?» и заверяет, что в случае согласия будет сделано «всё необходимое»⁶.

Вскоре В. Бунина скончалась, передав эстафету в общении с Мануйловым Л. Зурову: в одном из последних своих писем, от 1 февраля 1961 г., она упоминает о том, что Зуров выслал ученому свой сборник «Марьянка». Мануйлов поблагодарил Зурова, и с этого момента началось их эпистолярное общение. В силу открытого доверчивого характера, душевной доброты Зуров быстро сблизился со своими корреспондентами, даже если не был лично с ними знаком. После двух-трех писем у писателя и ученого сложились отношения доверительные и почти родственные, благо и Мануйлов отличался душевной щедростью. По воспоминаниям А.В. Лаврова, это был человек, «открытый миру и людям, излучающий доброжелательность

³ В настоящее время переписка Л. Зурова и Л. Назаровой готовится к публикации в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома».

⁴ Письма Мануйлова к Буниной находятся в LRA (MS. 1067/4152-4161), письма Буниной к Мануйлову — в РО ИРЛИ (Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова).

⁵ Мануйлов В.А. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н.Ф. Будановой. СПб., 1999. С. 214–215.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова.

и теплоту <...> Эти качества он пронес нерастраченными через всю свою нелегкую жизнь»⁷. Мануйлов, как и Л. Назарова, на протяжении нескольких лет отправляли Зурову караваи ржаного хлеба, эти «утешительные» посылки очень его радовали, напоминая о родине. Виктор Андроникович поддерживал своего корреспондента и словом: «С сердечным приветом и искренним восхищением Вашей стойкостью и Вашим терпением, которое мы здесь очень и очень ценим» (письмо от 13 марта 1962 г.).

Одной из тем, объединявших интересы Зурова и Мануйлова, стало творчество Лермонтова. Крупнейший лермонтовед, Мануйлов заинтересовался статьей Зурова, в которой тот сопоставил повесть «Тамань» и рассказ Жорж Санд «Орко». Мануйлов расценил эту работу как научное открытие и впоследствии ссылался на нее.

Но главная тема переписки связана с судьбой наследия И.А. Бунина. После кончины Веры Николаевны его владельцем стал Л. Зуров. Личные и мемориальные вещи (одежда, картины, письменные принадлежности и др.), архив (библиотека, письма и дневники) Зуров хранил в своей небольшой квартире, а мебель (шкафы, столы, кресла и др.) — на складе, внося плату. В. Бунина, а затем и Л. Зуров полагали, что бунинское мемориальное наследие должно быть отправлено на родину. С Зуровым начали переговоры, в орбиту которых постепенно оказались втянуты представители советского посольства, служащие министерств, члены Союза писателей, сотрудники Академии наук, музейные работники.

Мануйлов прекрасно понимал ценность наследия нобелевского лауреата. Ему было известно, что Вера Николаевна начала постепенную передачу рукописей Бунина в советские архивохранилища⁸. Узнав о ее кончине, Мануйлов без промедления обратился к Зурову с предложением передать весь архив, полагая, что лучшим местом его хранения станет Пушкинский Дом (письмо от 1 июня 1961 г.). С этого момента тема передачи бунинского наследия становится постоянной в их переписке. На протяжении семи лет В.А. Мануйлов и Л.Н. Назарова прилагали все возможные усилия к тому, чтобы оно

⁷ *Лавров А.В.* В.А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 624.

⁸ «Начиная с 1956 г. вплоть до своей смерти (1961) Вера Николаевна систематически, по несколько раз в год, небольшими партиями передавала рукописи Бунина в СССР. Как правило, это были автографы произведений, уже опубликованных. Поступления эти, шедшие по дипломатическим каналам, распределялись по разным государственным хранилищам. Большая часть их была передана в ЦГАЛИ, очень значительное количество — в ИМЛИ, некоторые материалы (главным образом изобразительные) — в ГЛМ» (Бунинские материалы в архивах Советского Союза // ЛН. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 448).

оказалось на родине: активно обсуждали этот вопрос с писателями и музейными работниками, обращалась в различные инстанции с требованиями ускорить решение. Зуров постоянно держал Мануйлова в курсе своих переговоров, высылал копии переписки.

Одним из энтузиастов в деле передачи наследия был буниновед Александр Кузьмич Бабореко. Начиная с 1956 г. он переписывался с В.Н. Буниной, а затем и с Л.Ф. Зуровым⁹, обсуждая этот вопрос. Мануйлов заочно познакомился с Бабореко благодаря «бунинскому делу». Вначале он настороженно относился к запланированной (но так и не состоявшейся) поездке Бабореко в Париж, но затем, обменявшись с ним письмами, убедился в полном совпадении взглядов и поддержал его инициативы. Мануйлов подбодрял Зурова, советовал не опускать руки: «Союз писателей и “Литературная газета” давно следят за этим делом, и всем нам непонятно и неприятно, что дело так затянулось. Министерство культуры давно уже сообщило Министерству иностранных дел свое мнение о том, что эти вещи, завещанные Советскому Союзу, в самое ближайшее время должны быть перевезены в Орел. Поэтому смело и решительно напоминайте работникам посольства о необходимости срочно довести дело с бунинскими вещами до конца» (письмо от 24 апреля 1962 г.).

И Зуров, и Мануйлов, как и другие участники этой истории, получали уверения людей властных и полномочных в том, что дело вот-вот решится и архив окажется в России. Поддержку обещал и руководитель Союза писателей К.А. Федин. Но переписка с секретариатом писательского союза не имела никаких положительных последствий. Наконец, 19 декабря 1963 г. Мануйлов обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС Л.Ф. Ильичеву. Он подробно изложил историю дела, отверг мнения чиновников о корыстных намерениях Зурова и просил принять меры к тому, чтобы «как можно скорее благополучно закончилась затянувшаяся печальная история с вещами и материалами И.А.Бунина»¹⁰. Ответа на это письмо ученый не получил и впоследствии не раз в переписке с друзьями высказывал возмущение по поводу такого молчания.

Многолетняя эпопея продолжалась. К Зурову направляются работники советского посольства, приезжают (по заданию идеологических отделов) писатели Л. Никулин, В. Ажаев. Но дело так и не двигается с места. Мануйлов обсуждает его в дружеской переписке с прозаиком В.А. Сафоновым, с директором Орловского музея

⁹ Обширная переписка А. Бабореко с Л. Зуровым и В. Буниной 1958–1971 гг. хранится в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 32–38).

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова.

Л.Н. Афониним, с Бабореко, вынашивает вместе с ними планы обратиться от имени видных деятелей литературы в центральные газеты, в ЦК КПСС. Несмотря на энергичную поддержку А.Т. Твардовского и других маститых литераторов, переговоры ни к чему не привели из-за позиции чиновников в Союзе писателей и ЦК КПСС. Советская сторона отказалась от приобретения архива. Об этом подробно повествует Бабореко в своей книге «Дороги и звоны»¹¹. Уникальные письма участников событий из Архива внешней политики РФ опубликованы в качестве приложения к книге М. Рощина «Иван Бунин»¹².

Убедившись в тщетности всех усилий, Мануйлов замечает: «Это одно из самых грустных дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься» (письмо к Л. Зурову от 13 октября 1965 г.).

Такова внешняя канва событий. Но, помимо фактов, личные письма Зурова знакомят с его переживаниями, сомнениями, недоумениями, позволяют судить о его намерениях и ожиданиях. Очевидны и бескорыстие, и тревога за судьбу ценнейшего архива, и поразительная наивность, непонимание подоплеку событий и мотивов их участников, полное отсутствие «деловой жилки». Зуров ведет переписку со множеством лиц, каждое из которых подробно информирует о ходе дела, цитирует свои письма, отправленные другим адресатам, приводит их ответы и признается: «Меня утомил разнобой. Я всё время пытаюсь объединить людей, занятых бунинскими делами». Его письма превращаются в сложнейшие информационные конструкции. Вот пример: в письме к Мануйлову от 29 мая 1962 г. он сообщает про письмо, полученное им от Л. Афонина, в котором тот уведомляет Зурова о том, что получил его письмо с информацией о планируемой поездке А. Бабореко в Париж. Далее Зуров рассказывает о своем письме к Бабореко, в котором просил того показать свою открытку чиновнику из Союза писателей К. Воронкову и спросить у него, известен ли ему доклад дипломата Пастухова, который беседовал с Зуровым о приобретении бунинских вещей...

Надежды на скорое решение дела, ожидание приезда Бабореко («с радостью его приму») сменяются недоумением, разочарованием, растерянностью, которые порождают болезненные невротические состояния, в чем Зуров также признается, ища сочувствия и утешения. Мануйлов отвечает ему с большим тактом и выдержкой, призывает не терять надежду.

¹¹ Бабореко А. К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993. С. 98–109.

¹² «Советская хроника» Ивана Бунина. Публ. Дм. Черниговского // Рощин М.М. Иван Бунин. М., 2000. С. 291–328.

Среди лиц, делегированных для переговоров с Зуровым, не нашлось человека, который смог бы найти подход к душевно тонкому, склонному к мнительности писателю, проявил бы такт, терпение, мудрость. Такими качествами обладал А. Бабореко, но ему так и не дали встретиться с Зуровым.

В публикуемой переписке выделяется своим объемом письмо Зурова от 20 февраля 1962 г. Это изложенная на 12 машинописных страницах подробнейшая история общения с Л.В. Никулиным и другими лицами, причастными к теме возвращения бунинского наследия. Хроника имеет исповедальный характер: Зуров отмечает свою эмоциональную реакцию на события. Отсутствие позитивных подвижек буквально убивает писателя: «От Л.В. Никулина (после 8-го августа) писем не получал, а у меня начало сдавать сердце». Он умоляет его ответить на письмо, считает дни после предыдущего послания, изнемогает от ожидания. Совершенно по-детски обижается на Никулина, считая себя обманутым: он, мол, жаловался на болезнь ног, однако прекрасно дошел до метро; Зуров вернулся со встречи с ним совершенно разбитым, а тот укатил на курорт.

Лев Никулин — давний знакомый В. Буниной и Л. Зурова, не раз бывал у них еще в 1950-е гг. с целью получения архива нобелевского лауреата¹³. После кончины Веры Николаевны он настойчиво пытается убедить Зурова как можно скорее составить описание архива и затем передать его в СССР (сумму вознаграждения должны были определить сотрудники советского посольства). Из переписки¹⁴ можно понять суть взаимных претензий. Поначалу Зуров видел в Никулине представителя музейных работников, заинтересованных в приобретении *вещей* Бунина, и был разочарован, когда понял, что тот не имеет к музейщикам никакого отношения и проявляет интерес лишь к рукописному наследию. Никулин со скрытым раздражением говорил о несопоставимой ценности, например, «седла Льва Толстого» и рукописи его романа, но Зуров пылко возражал ему. Постепенно тон их переписки становится менее дружелюбным, и в письме от 3 января 1962 г. Никулин переходит на язык ультиматума: «на первом месте стоит вопрос о литературном наследии Ивана Алексеевича, что же касается мемориальных вещей, то о них можно говорить только

¹³ Подробнее о личности и намерениях Л. Никулина см.: «Ваше письмо... меня очень, очень тронуло». Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным и П.Л. Вячеславовым / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2015. С. 405–407.

¹⁴ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 84. Л. 1–34.

после того, как с Вашей стороны будет сделан первый шаг в отношении передачи хоть какой-нибудь части литературного наследия»¹⁵. Но Зуров не отступал от намерения сперва определить судьбу вещей, и переговоры шли по замкнутому кругу.

Некоторая трудность во взаимопонимании проступает, впрочем, и в переписке Зурова с Мануйловым. Долгое время ученый полагал, что Зуров — лишь посредник в деле передачи наследия и что Вера Бунина всё завещала России, и только спустя три года выяснил, что это не так. Зуров уточняет: во-первых, Бунина завещала вещи и архив лично ему, во-вторых, речь идет не о безвозмездной передаче в Советский Союз, а о получении денежной компенсации, в том числе за понесенные Зуровым расходы. Мануйлов откровенен: «Это обстоятельство резко осложняет дело. Ведь лишней валюты у государства нет...»

История с бунинским наследством становилась всё более запутанной, полной недоговоренностей. Постоянная тревога за судьбу вещей и архива, бесконечные «посулы и обещания», которые оканчивались ничем, держали Зурова в нервном напряжении, угнетали, заставляли переживать, о чем он постоянно говорит в письмах. Всё это серьезно сказалось на его физическом и душевном состоянии, он вынужден был лечиться в госпиталях.

После 1963 г. переписка с Мануйловым становится менее интенсивной. Время от времени Зуров сообщает новые неутешительные известия, вновь жалуется на неопределенность. Мануйлов вновь пытается его ободрить, но в письме к Л.Н. Афонину от 21 февр. 1967 г. откровенно признается: «Я полагаю, что такие безответственные и общие ни к чему никого не обязывающие фразы могут Зурова в его бедственном положении только безмерно раздражать и выводить из себя. Либо надо эти разговоры кончать и признаться, что мы бессильны получить нам принадлежащие и нам завещанные вещи <...> Неприличная, позорная история! <...> После того, что я подробно писал Ильичеву и даже не получил ответа, я уже никуда больше обращаться не хочу»¹⁶.

Разбор архива, подготовка бунинских материалов к публикации, огромная многолетняя переписка отнимали у Зурова много времени и сил и не позволили довести до конца работу над собственными произведениями. Остался незавершенным роман «Зимний дворец» (первая часть исторической трилогии-эпопеи), не была окончена

¹⁵ Там же. Л. 27.

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова.

повесть «Иван-да-Марья»¹⁷. В 1966–1967 гг. Зуров обращался к Мануйлову с просьбами прислать сведения, необходимые для работы над романом. Виктор Андроникович сразу же откликнулся на них. Последнее письмо Зурова Мануйлову датировано 24 марта 1967 г.

* * *

Письма Мануйлова к Зурову публикуются по оригиналам, хранящимся в архиве Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына в фонде Л.Ф. Зурова (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 70. Л. 1–26), за исключением письма из Киева от 6 апреля 1961 г. (также оригинал), находящегося в Русском архиве Лидса (LRA. MS. 1068/3630).

Письма Зурова к Мануйлову приводятся по оригиналам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде В.А. Мануйлова (РО ИРЛИ. Ф. 713, в научно-технической обработке), за исключением чернового письма от 22 марта 1965 г., находящегося в Русском архиве Лидса (LRA. MS. 1068/31029). Первые письма Зуров высылал на адрес Пушкинского Дома, а начиная с 20 декабря 1963 г. — на домашний адрес Мануйлова.

Примечания Зурова обозначены буквами (в оригиналах — звездочками) и приводятся за текстом письма. Подчеркивания принадлежат авторам писем. Тексты приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. Сохранено авторское написание Зуровым фамилии Мануйлова как «Мануилов» (сам ученый обозначал свою фамилию через и краткое), унифицировано написание названия института: Пушкинский Дом.

Тексты Л.Ф. Зурова публикуются с любезного разрешения Ричарда Дэвиса и The Leonid Zurov Estate. Автор публикации приносит признательность за помощь в работе Русскому архиву Лидского университета и лично его куратору Ричарду Дэвису, Дому русского зарубежья и лично В.А. Москвину, Рукописному отделу ИРЛИ и лично Т.С. Царьковой, а также выражает благодарность за ценные сведения и советы О.А. Коростелеву, А.В. Лаврову, С.Н. Морозову и Р.П. Хрулевой.

¹⁷ Реконструированный И.З. Белобровцевой текст повести опубликован в журнале «Звезда» (2005. №№ 8, 9), отдельным изданием вышел в 2015 г. См.: *Белобровцева И.З.* «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Зуров Л. Иван-да-Марья. СПб., 2015. С. 5–30.

Условные сокращения

ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы
и искусства Санкт-Петербурга

LRA — Leeds Russian Archive, University of Leeds

1. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

8 марта 1961 г.

8 марта 1961, Ленинград

Глубокоуважаемый и дорогой Леонид Федорович!

Только что получил пакет с Вашей книгой «Марьянка»¹. Пришла долгожданная бандероль. Спасибо Вам за книгу, за внимание, за надпись.

Буду читать не торопясь, по рассказу перед сном. И потом Вам непременно напишу всё, что подумаю и почувствую над Вашей книгой.

Прошу передать мой сердечный привет Вере Николаевне <Буниной>.

С глубоким уважением и благодарностью,
В. Мануйлов

Машинопись.

¹ «Марьянка» — сборник рассказов и повестей Л.Ф. Зурова, вышедший в 1958 г. в Париже. Автор разослал экземпляры многим знакомым. Книга получила высокие оценки как в периодике зарубежья, так и в письмах корреспондентов Зурова. См.: Громова А.В. Из истории литературы Русского зарубежья. Сборник Л.Ф. Зурова «Марьянка» (Париж, 1958) в отзывах читателей и критики // Русская литература. 2008. № 2. С. 203–211.

2. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

21 марта 1961 г.

Париж, 21.3.61

Дорогой Виктор Андроникович,

Получил Ваше милое письмо. Спасибо. Радует меня, что «Марьянка» прилетела к Вам.

А у меня к Вам большая просьба. В настоящее время француз-искусствовед готовит книгу о творчестве моего приятеля-художника, Андрея Михайловича Ланского¹ (его студию в прошлом году посетил русский искусствовед М.А. Алпатов²). Француз хочет получить от Ланского краткие сведения о усадьбе Ланских. В давние времена под Петербургом находилась усадьба Ланских. Когда строили Финляндскую железную дорогу, то она прошла недалеко от усадьбы. Первая от Петербурга станция (на пятой версте) получила название «Ланская». Дед Андрея Михайловича продал кому-то усадьбу. Художник Ланской никогда на этих местах не бывал. Не могли бы Вы узнать:

1) Имеется ли теперь под Ленинградом станция Ланская? 2) Если она переименована, то как эту станцию сейчас называют. Может быть, ленинградские окраины так разрослись, что и станция Ланская очутилась уже в черте города.

Простите, что затрудняю Вас, но Ланской просил меня к Вам обратиться за справкой. За сведения будем Вам чрезвычайно признательны и благодарны.

Вера Николаевна шлет Вам сердечный привет. Она чувствует себя усталой.

От всей души желаю Вам и Леонтию Иосифовичу <Раковскому>³ плодотворной работы.

Ваш Л. Зуров

Авторизованная машинопись

¹ Граф Андрей Михайлович Ланской (1902–1976) — живописец, график. Выпускник петербургского Пажеского корпуса. Вместе с белой армией покинул Россию, с 1921 жил в Париже. О творчестве Ланского писали многие французские искусствоведы, среди которых Жан-Клод Маркаде, Андре Шоллер и др. Известна книга Жана Гренье (Jean Grenier) “André Lanskoj”, вышедшая в Париже в издательстве «Nazan» в 1960 г.

² Второй инициал обозначен ошибочно: Зуров имеет в виду искусствоведа, мемуариста Михаила Владимировича Алпатова (1902–1986)

³ Раковский Леонтий Иосифович (1895–1979) — автор исторических романов и повестей, публицист. Переписывался с В.Н. Буниной, которая в 1960 г. прислала ему из Парижа книгу И. Бунина «Темные аллеи» со своей дарственной надписью. Позже был корреспондентом Л.Ф. Зурова.

3. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*6 апреля 1961 г.*

6 апреля 1961, Киев

Глубокоуважаемый и дорогой Леонид Федорович!

Простите, что задержался с ответом на Ваше письмо с вопросом о Ланской. Отвечаю Вам из Киева, куда приехал в связи с университетскими и лермонтовскими делами на несколько дней.

Станция Ланская, действительно, первая остановка после Финляндского вокзала и давно уже вошла в черту города, в состав Выборгского района. Кругом новые многоэтажные дома, пейзаж совершенно городской, никаких следов от былых огородов и садов тут не сохранилось. Через станцию непрерывно идут электропоезда на Сестрорецк (приморская линия) и на Зеленогорск (в сторону к Выborgу). В ленинградских архивах много материалов о семье Ланских, да есть кое-что и в литературе, например в книге С. Панчулидзева «История кавалергардского полка» и «Биографии кавалергардов»¹.

Читаю и перечитываю Вашу книгу с великим удовольствием. Особенно мне понравилась «Русская повесть» — сколь передан аромат времени.

Попытаюсь раздобыть здесь сухого киевского варенья, чтобы послать его Вере Николаевне. О клюквенном экстракте помню, но сейчас его трудно достать.

Прошу передать мой сердечный привет Вере Николаевне. Скоро, кажется, будет интересная и верная okazия, и я надеюсь послать Вам и Вере Николаевне маленькую посылочку с разными вкусами.

С приветом

В. Мануйлов

LRA. MS.1068/3630. Автограф.

¹ Имеются в виду издания: *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества полка: В 4 т. СПб., 1899–1912; Сборник биографий кавалергардов. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского полка: В 4 т. / Сост. С.А. Панчулидзева. СПб., 1901–1908.

4. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*24 мая 1961 г.*

Париж, 24-го мая 1961.

Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Андроникович, я прочел Вере Николаевне Ваше письмо (от 23-го марта). Оно ее тронуло и обрадовало. Это был счастливый период. Мы тогда надеялись на скорое выздоровление. Вам и сотрудницам Пушкинского Дома¹ Вера Николаевна попросила в тот день передать привет.

В воскресенье ездил на кладбище. Положил на могилу² букет полевых цветов.

Ваше письмо из Киева я получил. Художник Ланской сердечно благодарит Вас за присланные сведения. Его обрадовало, что в Ленинградских архивах много материалов о семействе Ланских.

Занят, переутомлен. Переписка большая, хлопоты, устройство дел.

Вам и друзьям из Пушкинского Дома от всей души желаю здоровья, бодрости и плодотворной работы.

Л. Зуров

Машинопись.

¹ Имеются в виду Л.Н. Назарова, Т. П. Голованова и Е. И. Кийко. 31 октября 1960 г. они посетили В.Н. Муромцеву-Бунину и Л.Ф. Зурова. Между участниками встречи завязалась дружеская переписка. См.: *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 261–265.

² В.Н. Бунина скончалась 3 апреля 1961, похоронена вместе с И.А. Буниным на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

5. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

1 июня 1961 г.

1 июня 1961. Ленинград

Глубокоуважаемый и Дорогой Леонид Федорович!

Когда я в последний раз писал Вам из Киева, это было 8 апреля, я не знал еще о кончине незабвенной Веры Николаевны. Только через несколько дней, вернувшись в Ленинград, я узнал эту печальную новость, но всё как-то не мог собраться с силами написать Вам. Для всех нас эта утрата очень-очень ощутима и значительна.

Спасибо Вам, дорогой Леонид Федорович, за письмо от 24 мая. Не торопитесь утруждать себя спешным ответом и пространном письмом. Но при случае сообщите мне или Леонтию Иосифовичу Раковскому, как решили Вы поступить с бумагами Веры Николаевны и с теми материалами по И.А. Бунину, которые остались после Веры Николаевны. Нельзя ли было бы их передать или продать через наше посольство во Франции в рукописное отделение Института литера-

туры Академии наук СССР (Пушкинского Дома). Это было бы самое верное и достойное место хранения и изучения.

Сейчас на месяц уехал в Париж академик Михаил Павлович Алексеев. В Посольстве, конечно, знают его парижский адрес. Может быть он обратится к Вам сам, а м<ожет> б<ыть> Вы сообщите ему, если захотите встретиться, чтобы выяснить вопрос о материалах Веры Николаевны¹.

К великому моему сожалению, побывав в Киеве в апреле и затем в мае, я нигде не нашел сухого киевского варенья, которым он некогда славился. Вот почему я не смог исполнить своего намерения. Напишите мне при случае, что можно было бы Вам прислать, что доставило бы Вам наибольшее удовольствие из всех возможных.

Едва ли не больше всех Ваших рассказов мне понравилась «Русская повесть» и, конечно, «Марьянка». Еще и еще раз спасибо за Вашу книгу!

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Алексеев Михаил Павлович (1896–1981) — литературовед, академик АН СССР. С 1934 г. сотрудник Пушкинского Дома. В 1950–1963 гг. заместитель директора ИРЛИ по научной работе. С 1956 г. заведующий Сектором взаимосвязей русской и зарубежной литератур. Летом 1961 г. командирован во Францию для ознакомления с архивами И.С. Тургенева, встречался с Л.Ф. Зуровым, передал ему подарки от сотрудниц Пушкинского Дома.

6. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

31 января 1962 г.

Париж, 31 января 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович,

по моей просьбе Вам будет послана копия моей статьи «Тамань» Лермонтова и «Л'Орко» Жорж Занд. Она была напечатана в «Новом журнале» (№ 66, декабрь 1961 г., стр. 278–281)¹. К сожалению, редакция сняла конец, а я считаю, что конец многое поясняет².

От всей души желаю Вам здоровья и успешной работы.

Л. Зуров

Машинопись.

¹ Зуров Л. «Тамань» Лермонтова и «L'Orco» Жорж Занд // Новый журнал. 1961. № 66. С. 278–281.

² К письму приложена машинописная копия статьи Л. Зурова «“Тамань” Лермонтова и “L’Oгco” Жорж Занд». Сравнение редакций показывает, что в журнальной публикации выпущены несколько фраз, а также отсутствует концовка (8 строк), где Зуров приводит те слова из рассказа Жорж Занд, которые автор выделила курсивом.

7. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

<13 февраля> 1962 г.

Ленинград, 13 января 1962¹

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за письмо и за интереснейшую статью о «Тамани» Лермонтова и “L’Oгco” Ж. Занд. Я об этой работе упомяну у нас в печати при первом же случае. Очень было бы хорошо, если бы Вы мне могли прислать № 66 «Нового журнала» или оттиск из него, но если это трудно, не хлопочите.

Меня крайне волнует история с обстановкой комнаты, кабинета Ивана Алексеевича. Напишите мне, пожалуйста, срочно, как обстоит дело с этими вещами в данный момент. Напоминали ли Вы об этих вещах, крайне необходимых Орловскому литературному музею, в нашем советском посольстве? Напишите мне срочно и подробно, я произведу еще раз нажим в этом деле.

С сердечным приветом,

Ваш В. Мануйлов

P.S. Подскажите мне, что лучше всего из возможного прислать Вам посылочкой. Как жаль, что Вы так и не приехали к нам, а мы все Вас очень ждали, хотя и не все радовались тому, что эта Ваша поездка связана с инициативой Л.В. Никулина².

С самым сердечным приветом,

В. Мануйлов

Автограф.

¹ Из содержания письма явствует, что оно является ответом на письмо Зурова, датированное 31 января 1962 г. В последующем письме Зуров указывает, что данное письмо Мануйлова получено им 19 февраля. Эти факты позволяют предположить, что в датировку «13 января» вкралась ошибка и датировать его следует февралем 1962 г.

² Никулин Лев Вениаминович (наст. фамилия Олькеницкий; 1891–1967) — поэт и драматург, журналист, военный корреспондент. Автор приключенческих романов. Вице-президент общества СССР–Франция. Автор книг «Чехов. Бунин. Куприн. Литературные портреты» (М., 1960), «Люди и странствия» (М., 1962), а также

вступительных статей к ряду изданий И.А. Бунина в СССР. В конце 1950-х гг. неоднократно выезжал во Францию для переговоров с В.Н. Муромцевой-Буниной о передаче литературного архива Бунина, а после ее кончины обсуждал эту тему с Л. Зуровым. По свидетельству Л.Н. Назаровой, «Вера Николаевна была очень неважного мнения о Л. Никулине. Я думаю, что если Л. Зуров отклонил предложение приехать погостить к нам (ведь речь шла о 3 месяцах), то не потому ли, что приглашение исходило именно от Л. Никулина, который и у нас в Ленинграде пользуется очень незавидной репутацией» (письмо Л.Н. Назаровой к Л.Н. Афонину от 2 ноября 1961 г. // РО ИРЛИ. Ф. 851. Архив Л.Н. Назаровой).

8. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

20 февраля 1962 г.

20-го февраля 1962 г. 10 ч. утра.

Дорогой Виктор Андроникович!

Спасибо сердечное за письмо. Получил его вчера вечером. Спешно написал и отправил письмо в Америку. Попросил прислать Вам вырезку из «Нового Журнала». У меня на руках авторский экземпляр, а оттисков нет.

Хочу ответить Вам спешно, но вчера скончалась тетушка покойной Веры Николаевны Буниной, Анна Елиазаровна Шестова, урожденная Березовская¹. Вдова философа Льва Шестова. Сегодня положение во гроб, завтра похороны. Анну Елиазаровну я очень ценил. Навещал ее. Иду сейчас к дочерям покойной.

6 ч. вечера. Вернулся на короткий срок. Завтра утром еду на кладбище. А оно за Парижем (Saint-Genevieve-des-Bois, Seine et Oise^{a)}).

Посылаю Вам копию письма, которое я отправил (12 декабря 1961 г.) Л.В. Никулину². Пожалуйста, покажите это письмо и Зинаиде Захаровне Шнитниковой³ (Ленинград Д-11, площадь Искусств, 5, кв. 46).

Посылаю Вам несколько выписок из писем. Я их посылал Л.В. Никулину. А писал их в трудные времена. Все с нетерпением ожидали тогда вестей от Л.В. Никулина⁴.

«28 июля 1961 г.

...Две недели работал не покладая рук. Надо было спешно уложить в чемоданы архив Ивана Алексеевича (а рукописей много...). Надо было перенести большой архив в другие комнаты. Потом я взялся за библиотеку...

Беседовал я с Виктором Степановичем Володиным⁶⁾. Он был у меня. Я ему сказал:

— Управляющий должен известить меня о начале работ. Через 24 часа после извещения придут рабочие. Все вещи⁸⁾ из больших комнат я должен убрать. Что вы хотите взять для музея?

— Нам нужно всё, — ответил Виктор Степанович и указал на обстановку, занавески, портьеры, висящие на стенах фотографии, портреты, картины и на вещи, лежавшие на столе.

— Хорошо, но вещи надо будет спешно забрать.

— Позвоните мне. У нас есть склад. Приедут люди и всё заберут.

Потом управляющий меня известил, что в понедельник придут рабочие. Я спешно позвонил Володину¹⁾, но только на следующий день узнал от Виктора Степановича, что склад занят...»⁵⁾

С тех пор и началось.

Никулину я писал: «...на складе за каждый квадратный метр надо платить...»

Подробно писал Л.В. Никулину: «...Предназначенные для музея малые вещи (картины, портреты, фотографии... и личные вещи Ивана Алексеевича и Веры Николаевны) я перенес к себе. У меня на руках несколько музейных чемоданов Ивана Алексеевича (с его автографами), а в них лежат ценные реликвии. Русская ручка Ив<а>на Ал<ексеевича>, которой он написал много рассказов¹⁾; ручка парижская, которой были написаны “Митина любовь” и “Жизнь Арсеньева”; химический цветной карандаш, которым он писал во время болезни (этим карандашом написано и послед<нее> его стихотворение “Венки”, 1952 г.... (<находится> в старом кожан<ом> дорожном чемодане. Наклейка “Капри”). С этим чемоданом Иван Алексеевич приехал к Горькому.

Сейчас квартира завалена мешками с цементом, алебастровыми плитами. Рабочие возводят новые стены. Пробивают дверь... Встаю в 6 ч. утра, а ложусь после 12-ти. Уплатил за телефон, 96 деловых разговоров. Академик Михаил Павлович Алексеев... в воскресенье улетает в Ленинград... Боюсь, что вещи на складе отсыреют. Их надо поскорее отправить в Советский Союз. Пожалуйста, сделайте всё возможное».

Писал, волновался; мои друзья все переживали. Мы ведь верили, что Л.В. Никулин связан с музеоведами. Сердце у меня было утомлено. У меня расширена аорта.

7 июля Л.В. Никулин мне написал: «Супруги Кодрянские⁶⁾ Вам передали мой привет и ободряющие вести. В связи с тем, что я начал

двигаться (хоть не очень бодро), мои хлопоты, думаю, увенчаются скорым успехом и Вы увидите плоды довольно скоро.

Леонид Федорович, я хорошо понимаю, как Вам трудно и сколько у Вас забот, но просто умоляю Вас, хоть понемногу составьте опись автографов Ивана Алексеевича...»

А рукописи Ив<ана> Алексеевича я уже сложил в чемоданы. Всё было снесено в маленькую комнату, завалено книгами, вещами. За рабочими надо было следить. Готовить. Вести переговоры с нотариусом и т.д. Писать, отвечать на многочисленные письма. Лев Вениаминович мне писал:

«Вячеславов^{е7} мне сказал, что кабинет Буниных фотографировал фотограф из Лувра⁸. Думаю, что если бы я был в Париже, всё бы пошло скорее, но ехать я смогу, когда смогу передвигаться быстрее, чем сейчас. Кодрянские видели непрезентабельную картину, когда я, покидая автомобиль, сопутствовал им в Москве. У нас очень жарко и это отразилось, как видите, даже на моем почерке.

Очень прошу Вас, извещайте меня о всем, что делается с нашей стороны и есть ли результаты моих хлопот, хотя результаты последуют конечно не так стремительно».

27 июля. «...Вчера получил Ваше письмо и ответ мой будет краток, потому что я надеюсь быть в Париже после 15 августа с.г.... Я буду очень рад, если к тому времени Ваши труды над архивом И.А. и Веры Николаевны будут успешными, но разумеется я знаю, что это дело сложное и требует немало времени... Я получил письмо от Ник<олая> Пав<ловича> Смирнова⁹, он пишет мне, что Вы, Леонид Федорович, могли бы написать прекрасные воспоминания об И.А. и В.Н. Буниных^ж). Я вполне разделяю это мнение Николая Павловича, думаю, что никто другой так не напишет, как Вы. Мы об этом еще поговорим. Я с грустью думаю о том, что ходить мне трудно и даже такой путь, как от метро “Мюетт” до Вас для меня — мечта...» (А приехав в Париж, Лев Вениаминович разъезжал на автомобиле. У кого только он не побывал!)

1 августа я Л.В. Никулину писал: «...но о делах Вы ничего не сообщаете. С нетерпением ожидаю дополнительных известий... Доктор гонит меня из Парижа. “Ведь вы, — говорит он, — с 21 марта не отдыхали, жили в страшном напряжении, держались на нервах. Лето на исходе, а впереди осень. Смотрите...”».

8 августа. «Дело в том, что мой приезд задерживается из-за французской визы... Желательно точно знать, какие документы, сколько в них страниц и т.д. Я это пишу просто как человек, сравнительно знающий, как приобретаются архивами, скажем, рукописи Тургене-

ва и т.д. Кроме того, я просто энтузиаст, мечтающий о том, чтобы всё связанное с Иваном Алексеевичем хранилось у него на родине. Архивы тоже этого хотят и всё дело ведется ими и лит<ературными> музеями. Я понимаю, как Вы утомлены, Леонид Федорович, но очень прошу Вас, наберитесь терпения, дело движется не так, как хотелось бы, скоро, но движется. В надежде на скорую встречу...»

Мой ответ: «...получил Ваше письмо от 8-го августа. Работы в квартире были закончены 12-го. 13-го и 14-го занимался уборкой³⁾. Рабочие развели грязь невероятную. Вчера были у меня Кодрянские. Долго обсуждали положение.

Сегодня 16 августа. Надеюсь, что франц<узскую> визу Вы уже получили. Напишите, пожалуйста, с обратной почтой, а то известите меня телеграммой, когда Вы решили выехать. Каждый день дорог. В конце августа я должен покинуть... Париж.

...Как быть с музейными вещами... Я сделал всё, что мог...»

От Л.В. Никулина (после 8-го августа) писем не получал, а у меня начало сдавать сердце. Париж опустел. Все соседи разъехались. Даже наш дворник уехал отдыхать. 24 августа я Л.В. Никулину написал:

«...16 августа я Вам отправил деловое письмо. Очень просил Вас спешно ответить. 22 августа я должен был уехать в Шотландию. Друзья меня ожидали, но мне пришлось отменить поездку. Вы должны были приехать. ...Из Эдинбурга мне телефониовали пять раз... В письме от 27 июля Вы мне писали: “Я надеюсь быть в Париже после 15 августа с.г. в зависимости от визы французского консульства”. В письме от 8-го августа Вы писали: “мой приезд задерживается из-за фран<цузской> визы, которая нам дается минимум через 20 дней, не ранее”.

С 27 го июля (а судя по письму Вы до 27-го подали заявление) прошло более 28 дней.

Всё время я ожидал от Вас точных и ясных известий. Ожидаю и сейчас. Пожалуйста, Лев Вениаминович, не томите. Я крепко устал».

Л.В. Никулин мне не ответил. Он мне позвонил через несколько дней из парижского отеля. Встретились мы на Монпарнасе (по телефону Л.В. сказал: «я едва передвигаюсь»). А я хотел показать ему литературное завещание Ив<ана> Ал<ексеевича>, рукописи, музейные вещи. Освободил чемоданы. Вымыл полы, а это мне строжайше докторами запрещено. К нам всегда Л.В. приезжал на автомобиле. Подъезд у нас удобный. От автомобиля до подъезда три шага. Лифт работает отлично. В этот вечер я чувствовал себя отвратительно. Целый день лежал. Поднялась температура. Дни стояли душные.

Убирая квартиру, я на сквозняках простудился. В монпарнасском кафе Лев Вениаминович (легко поднявшийся, улыбающийся, заметил меня, пошел навстречу. Был предупредителен, любезен) передал мне приглашение Союза писателей.

— А как же с вещами?

— Побываете в высоких сферах, познакомитесь в Москве с нужными людьми, там всё и устроите.

Никулин меня угощал ужином, а у меня кусок в горло не шел.

— Лев Вениаминович, устал.

— Можно отдохнуть под Москвой, в Крыму...

На следующий день я навел справки. Мне сказали:

«Франц<узская> виза? Дело сложное. Нужно хлопотать, долго ждать. От 1 до 1½ месяцев. В последнюю минуту могут и отказать...»

После второй беседы (в том же монпарнасском кафе) я убедился, что всё чрезвычайно сложно. Мы покинули кафе, дошли до бульвара Распай. Там Лев Вениаминович взял такси. Попрощались. Он с женою уехал, а я вернулся домой совершенно разбитым.

Лев Вениаминович отправился на курорт. В кафе он взял мой эдинбургский адрес, но я от него письма не получил.

В Эдинбурге свалился. Лежал целую неделю с температурой, потом ежедневно ездил к врачу на уколы (витамин Б, 12 уколов). В Париж вернулся 5-го ноября. 10 ноября отправил Л.В. Никулину письмо. Вот выдержки из него:

«...В Париж вернулся 5-го октября¹⁰. Предстояли платежи (об этом я говорил Вам). Надо было у нотариуса подписать декларацию, которую тот отправил финансовому инспектору. Пришлось заплатить долги Веры Николаевны (литературный налог за 1960 год, ее квартирный налог за 1961 год; уплатил я и по ее счетам за электричество, газ, телефон).

...Что делать с бунинскими (музейными) вещами, которые находятся на складе?.. Срок истекал 26-го октября. Я заплатил еще за 3 месяца, о чем считаю своим долгом уведомить Вас, а через Вас и других литераторов, заинтересованных в сохранении бунинских вещей... Мне телефонировали из разных мест люди, спрашивались, не продам ли я что-либо из бунинских вещей? Спрашивали меня и старые друзья Ивана Алексеевича и Веры Николаевны, что же решено, какие вещи возьмут для музея? У Натальи Владимировны¹¹) после бесед с Вами осталось впечатление, что Вы не хотите взять всё. Я же, откровенно говоря, своим друзьям (а многие заинтересованы) не мог ничего ответить, так как ясного ответа не получил и до сих пор не знаю, кто этот вопрос решает.

Я отказал всем просителями, так как не хочу, чтобы впоследствии меня обвиняли в нерадивости и безразличии. Ведь Вера Николаевна мне не раз говорила: я верю, что вещи Ивана Алексеевича попадут в музей. Откровенно говоря, и я, и друзья покойной тоже верим, что бунинские вещи возьмут. И обещано это было.

Пожалуйста, напишите мне, что же, наконец, решено? Ведь времени прошло много, а определенного ответа до сих пор нет. Фотографии бунинских комнат находятся в Пушкинском Доме. Инвентарь, список, план — у меня на руках. Не откажите в любезности сообщить мне, какие вещи нужны музею? Мне это знать необходимо. Был бы Вам признателен и благодарен.

Между прочим, Вы мне во время беседы со мной сказали: в литературных музеях постелей нет. Я Вам тогда же указал, что Иван Алексеевич умер не на постели, а на софе (тот же диван, только обитый не кожей, а с постельником)...

Извещаю Вас, что приняться за разборку архива Ивана Алексеевича я еще не мог. Я успел только подготовить к опубликованию литературное завещание Ивана Алексеевича¹¹. Теперь спешно привожу в порядок воспоминания Веры Николаевны “Беседы о памяти”¹². Все рукописи находились в большом беспорядке. Вскоре мне придется заплатить налог за литературное наследство. Когда-то, после смерти Веры Николаевны, мне было обещано, что расходы, связанные с ее болезнью, погребением будут возмещены. Это касалось и долговых обязательств Веры Николаевны... К величайшему сожалению, обещание это не было выполнено...»

Л.В. Никулин мне ответил 22 ноября:

«...Что же я могу Вам ответить? Вы знаете, что я только один из тех, кто положил много труда для того, чтобы читатели наши возможно полнее узнали творчество Ивана Алексеевича, что я всегда считал особенно важным, чтобы оригиналы произведений были у нас и наши литературоведы имели возможность полнее оценить их высокое художественное значение и пояснить это читателю. Я просто энтузиаст этого дела...»

...Но вот вопрос о той обстановке, которая находилась в кабинете Ивана Алексеевича, о том, что вы называете “музейными вещами”, они имеют значение в том случае, когда будет решено создать его комнату в одном из музеев. Главное это рукописи, автографы Ивана Алексеевича, письма, написанные им, его дневники... Этого ждут литературоведы и читатели... Это главное, а “музейные вещи” дополнение, о котором можно договориться...

Примерно то, о чем Вы пишете, выглядит так: речь идет, допустим, о рукописи Л.Н. Толстого “Воскресение”, а нам предлагают то седло, на котором сидел Л.Н., когда ездил на прогулку. Седло это реликвия, но о нем писать, его комментировать нельзя, а рукопись должно и можно, это должно быть достоянием читателей.

Да Вы отлично понимаете это сами».

10 декабря я отправил Л.В. Никулину еще одно письмо. Копию его Вам посылаю. Пожалуйста, передайте его в Пушкинский Дом.

3-го января <1962> пришел ответ.

«Я долго не отвечал на Ваше письмо... был под Москвой... Что я могу Вам ответить? Прежде всего о Комиссии, такую Комиссию создал Союз писателей, у Комиссии была функция одна — передавать полученные от Веры Николаевны рукописи и материалы личного архива Ивана Алексеевича в Государственный Центральный архив».

Никогда мы (с Верой Николаевной) о такой Комиссии не слышали. И Лев Вениаминович молчал. Поразительно! Сугубо засекреченная Комиссия! А в Париже о Комиссии слухи пошли. Вот почему я Льва Вениаминовича и спросил.

«Так как рукописи больше не поступают, то Комиссия фактически не существует. Ни с музейедами, ни с литературоведами она не была связана, они обходились без нее, обращаясь непосредственно в архив».

Но ведь я всё время Л.В. Никулину писал о бунинских вещах. Извещали мы об этом и Вячеславова. Писали Никулину и из музеев. Почему Л.В. мне ничего в Париже не сказал?

«Вы ссылаетесь на письма музейных работников и литераторов. Они в том же положении, что и я, то есть ничего конкретного сделать не могут, музейные работники могут только выражать свои чувства, но к делам материального характера никто из нас отношения не имеет. Могу только сказать Вам, что на первом месте стоит вопрос о литературном наследии Ивана Алексеевича, что же касается мемориальных вещей, то о них можно говорить только после того, как с Вашей стороны будет сделан первый шаг в отношении передачи хоть какой-нибудь части литературного наследия. Так я представляю себе это дело и, по всей вероятности, оно так и обстоит. Вы пишете о “литературном завещании” и о том, что оно меня не заинтересовало. Этого не могло быть. Вы знаете, как я внимателен в отношении литературного наследия. Но не будем спорить, мы беседовали с Вами в Париже часами, перед Вашим отъездом в Шотландию, может быть я кое-что и забыл... Темы беседы всё время менялись. Отраднo только то, что Вы пишете: “Конечно, это завещание, как и всё другое,

должно храниться в России». Если бы Вы сделали первый шаг в этом отношении, то есть выразили желание передать хотя бы то, что уже Вами опубликовано, я уверен, дело бы сдвинулось с мертвой точки».

21 февраля. 4 часа. Вернулся. Похоронили Анну Елизааровну. Побывал и на могиле Веры Николаевны и Ивана Алексеевича. На ней уже растет тоненькая зеленая трава.

Продолжаю письмо. В Париже мне Л.В. Никулин сказал: «Сделайте жест. Подарите оккупационные дневники Ивана Алексеевича»¹³).

Дневники. Я их сейчас разбираю.

В.Н. Заико (культурный отдел Советского посольства. Он бывал у Веры Николаевны) мне сказал: «Передайте нам все дневники Ивана Алексеевича, тогда мы заберем и вещи. Заплатим...»

После этой беседы Лев Вениаминович мне и написал: «Могу только сказать Вам, что на первом месте стоит вопрос о литературном наследии Ивана Алексеевича, что же касается мемориальных вещей, то о них можно говорить только после того, как с Вашей стороны будет сделан первый шаг в отношении передачи хоть какой-нибудь части литературного наследия. Так я представляю себе это дело и, по всей вероятности, оно так и обстоит..»

Что же касается меня и ваших корреспондентов-москвичей, то мы действительно можем только желать этого, так как мы являемся просто энтузиастами, как я Вам не раз говорил.

Примите поздравление с Новым годом...»

Лев Вениаминович отлично знает, что в завещании сказано, что я должен разобрать и привести в порядок архив. Он прекрасно знал о состоянии моего здоровья. Прекрасно знал и о сложности дел. И о расходах. Сколько писем я написал. Посылал заказными пакетами. Свою литературную работу забросил¹³.

Дневники еще не подготовлены для передачи¹⁴), работаю над ними¹⁴, а вот небольшие рассказы Ивана Алексеевича я сейчас могу передать. Никулин прекрасно знает, что я был того мнения, что не только реликвии, но и архив должен храниться на родине, но я до сих пор не могу добиться, от кого зависит решение по делу приобретения как вещей, так и архива. Ведь на мой вопрос Л.В. Никулин мне опять не ответил, а только сказал, от кого оно не зависит. Для того чтобы начать передавать что-либо из архива, надо ведь знать, на каких условиях это делается¹⁵. Что касается вещей, то понятно, почему я заинтересован в наиболее скорой передаче — ведь вещи на складе портятся и за хранение мне приходится платить. Рукописи же перед передачей¹⁶ надо привести в порядок и разобрать.

Веду переписку с Александром Кузьмичем Бабореко¹⁷.

22 января отправил письмо Валерию Алексеевичу Косолапову¹⁸ (редактору «Литературной газеты»)¹⁹.

«...На днях получил письмо от литературоведа Александра Кузьмича Бабореко, в котором он извещает меня, что Вы принимаете деятельное участие в бунинских делах. А.К. Бабореко мне прислал Ваш адрес. Пользуюсь случаем, чтобы через Вас поблагодарить Союз писателей за переданное мне в конце августа прошлого года Львом Вениаминовичем Никулиным любезное приглашение посетить Советский Союз. Я тогда был не только предельно переутомлен, но и болен. Л.В. Никулину я рассказал об исключительной сложности текущих дел, как и о том, что я не могу на длительный срок покинуть Париж, так как в конце сентября предстоят срочные платежи (по долговым обязательствам покойной Веры Николаевны), а наследственными делами мне придется заниматься не только в конце 1961-го, но еще и в 1962 году. Действительно, сейчас, в январе 1962 года²⁰) я еще веду через нотариуса переговоры с финансовым инспектором... и т.д. О положении дел я извещал (начиная с апреля месяца прошлого года) Л.В. Никулина, П.Л. Вячеславова (с последним деловая переписка почему-то прекратилась) и А.К. Бабореко, с которым переписывалась покойная Вера Николаевна. Она... была чрезвычайно признательна Александру Кузьмичу за помощь, которую он ей оказал во время работы над книгами. Вера Николаевна не раз говорила мне: “если бы Александр Кузьмич приехал! Сколько бы я ему о жизни Ивана Алексеевича рассказала”. Вера Николаевна приглашала А.К. Бабореко приехать в Париж... В своем последнем письме (от 12-го января с.г.) Александр Кузьмич пишет: “и мне очень хочется с Вами видеться. Вы спрашиваете, почему я до сих пор не приехал? Я могу приехать только по командировке по бунинским делам”.

Не могли бы Вы, Валерий Алексеевич, возбудить вопрос в Союзе писателей (и в редакции Вашей газеты, если это понадобится) о командировке А.К. Бабореко в Париж?²⁰ Вопрос идет, как Вы знаете, о приобретении архива Буниных и обстановки их квартиры. В получении обстановки заинтересованы Государственный Литературный музей,... и Орловский музей И.С. Тургенева... От Н.Ф. Пяшева²¹ я... получил письмо от 16-го июня 1961²², но — каюсь — ему не ответил не только по причине исключительной переутомленности, но и потому, что в те времена... П.Л. Вячеславов мне написал, что всё зависит от Л.В. Никулина...

Извещаю Вас, что я решил еще раз продлить срок хранения бунинских вещей, находящихся на складе. 26-го января истекает срок...

Деньги за хранение бунинских вещей внес сегодня, 22-го января, уплатил за 3 месяца».

Н.Ф. Пияшеву я написал 30-го января²³:

«...У моих друзей создалось^{а)} впечатление, что решение всего зависит от Льва Вениаминовича Никулина. Казалось, что он держит связь и с Вами, и с литературоведами... и с музейными работниками. Вот почему я в ответ на письма сотрудников чеховского и тургеневского музеев попросил их обратиться к Л.В. Никулину. Они это сделали, написали ему. Ныне, в письме от 3-го января с.г. Лев Вениаминович меня известил, что у бунинской комиссии была одна функция — передавать полученные рукописи...²⁴ «Ни с музееведами, ни с литературоведами она не была связана...»²⁵»

Сердечное спасибо, дорогой Виктор Андроникович, за милое письмо. Передайте мой привет друзьям. Пришлите, пожалуйста, буханку черного ржаного хлеба. Буду Вам признателен. Устал.

От всей души желаю Вам здоровья, сил и хорошей творческой работы.

С самым сердечным приветом

Л. Зуров

P.S. Ну и канцелярию я развел!

22-го февраля <19>62 г.

^{а)} На этом кладбище похоронены и Бунины.

^{б)} Первый секретарь Сов<етского> посольства.

^{в)} Бунинские вещи.

^{г)} Звонил несколько раз.

^{д)} В России.

^{е)} Я и с П.Л. Вячеславовым тогда переписывался.

^{ж)} А я и свою литературную работу забросил.

^{з)} Выносил на двор строительный мусор.

^{и)} Н.В. Кодрянской.

^{к)} Три больших тетради.

^{л)} Привел в порядок дневники до 1916 года.

^{м)} И сейчас я эти дела еще не закончил.

^{н)} В апреле месяце 1961 г.

Машинопись

Письмо раскрывает суть и характеризует атмосферу общения Зурова и Л.В. Никулина. Л. Никулин считался в писательской среде фигурой достаточно одиозной: В. Хазан цитирует ряд нелицеприятных оценок его как человека, лишённого «сердца и благородства», «двусмысленного» и даже «опасного» («Ваше письмо... меня очень, очень тронуло»). Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным

и П.Л. Вячеславовым / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2015. С. 407). О том, что в общении с Зуровым он был не всегда искренним, говорят его признания в письмах третьим лицам: Зуров «только повредит хорошему делу возвращения на родину наследия Ивана Алексеевича»; «я устал возиться с этим неврастеником и (простите) стяжателем», — пишет он в 1961 г., а спустя два года делится подозрением: «Зуров, видимо, не теряет надежду сделать с нами бизнес на архиве Бунина» (Там же. С. 419, 421, 435).

¹ Шестова Анна Елеазаровна (урожд. Березовская; 1870–1962) — врач. Двоюродная сестра Н.А. Муромцева, отца В.Н. Буниной. В 1896 вышла замуж за философа Л.И. Шестова (1866–1938). В 1903 окончила медицинский факультет Лозаннского университета. Работала в Германии, Франции, России. В 1920 с семьей уехала во Францию, жила в Париже и Булони.

² К письму приложена авторизованная машинописная копия письма Зурова Никулину, датированного 10 декабря 1961 г. Оно объемно и крайне эмоционально. Зуров объясняет, что требуемая от него опись архива займет много времени и сил, сам же он занят разбором архивов Ивана и Веры Буниных, восстановлением текста книги Буниной «Беседы с памятью». Зуров упрекает Никулину в том, что тот так и не ответил на вопрос, кто ведаает бунинскими делами, так состоит в бунинской комиссии. Из России, напоминает он, так и не прислали ни одного литературоведа, «любящего и понимающего творчество Бунина», для бесед с Верой Николаевной, которая так на это надеялась. Передача бунинских вещей со склада до сих пор не организована, вопреки обещаниям. Сообщая, что всё это пагубно сказывается на его здоровье, Зуров восклицает: «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неизменно сложное. <...> До чего всё сложно! Гибнет драгоценное время!» (РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова).

³ Шнитникова-Лагарп Зинаида Захаровна (1900–1983) — гигиенист, демограф. Старшая дочь геронтолога, демографа, академика АМН СССР З.Г. Френкеля (1869–1970). С 1943 директор Научно-методического бюро санитарной статистики городского Отдела здравоохранения. Участвовала в деятельности Ленинградского отделения Всероссийского научного общества гигиенистов и санитарных врачей. Ученица профессора Андрея Георгиевича Гусакова, близкого друга семьи Муромцевых, была в дружеских отношениях с Дмитрием и Павлом, братьями В.Н. Буниной, через них поддерживала связь и с Верой Николаевной. В 1961–1970 гг. переписывалась с Зуровым (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 123), общалась с учеными Пушкинского Дома, обсуждая вопрос о возвращении бунинского наследия.

⁴ Далее Зуров цитирует фрагменты своей переписки с Л.В. Никулиным. Оригиналы писем Никулина и копии писем Зурова хранятся в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 84).

⁵ Далее в этом письме к Никулину Зуров сообщает, что при содействии Кодрянских на склад были перевезены мебель, портьеры, пледы и дорожный чемодан Бунина. Деньги за перевозку (10 000 франков) и хранение (6 000 франков) заплатили Кодрянские (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 84. Л. 15 об.). Впоследствии в оплате принимала участие и С.Ю. Прегель. Бунинская мебель «становится сквозным мотивом ряда писем Прегель начала 1960-х гг., поскольку именно ей пришлось оплачивать совсем не дешевые складские услуги из собственных средств (или, по крайней мере, она явилась частичным финансовым донором)» («Душевно Ваша С. Прегель»). Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья. 2014/2015. М., 2015. С. 525).

⁶ Кодрянский Исаак Вениаминович (1894–1980) — меценат. Эмигрировал во Францию, в 1940 переехал в США, служил представителем фирмы. После войны жил в Париже, помогал нуждавшимся писателям и художникам. Кодрянская Наталья Владимировна (урожд. фон Гернгросс; 1901–1983) — писательница, мемуарист; жена И.В. Кодрянского. Эмигрировала в Женеву, с 1927 жила во Франции, в годы

Второй мировой войны находилась с мужем в Нью-Йорке. Автор книг «Сказки» (1950), «Алексей Ремизов» (1959), «Ремизов в своих письменах» (1977) и др. Впоследствии мебель из кабинета Бунина хранилась в загородном парижском доме Кодрянских и в 1973 г. передана ими в Государственный литературный музей И.С. Тургенева в Орле.

⁷ Вячеслав Павел Леонидович (1912–1966) — поэт, переводчик, литературовед. Подготовил ряд произведений Бунина к изданию, составил примечания к ним (*Бунин И.А. Рассказы*. М., 1955; *Бунин И.А. Собр. соч.*: В 5 т. М., 1956 и др.).

⁸ Летом 1961 г. Зуров передал владельцам дома кабинет Бунина и столовую, освободив их от мебели. Перед этим интерьер комнат был запечатлен фотографом Луврского музея М. Шувиллем. Снимки отвоз в Пушкинский Дом М.П. Алексеев (два фото опубли.: ЛН. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 443). Эту информацию Зуров сообщает в преамбуле к описанию парижской квартиры Буниных (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 121. Л. 2).

⁹ Смирнов Николай Павлович (1898–1978) — прозаик, поэт, критик, автор книги «Золотой Плёс» (1969). Одним из первых в Советской России обратился к творчеству Бунина. Переписывался с представителями русского зарубежья, был корреспондентом газеты «Русские новости» в Париже. Л. Зуров вел с Н. Смирновым дружескую переписку.

¹⁰ Дата ошибочна; следует: 5 ноября.

¹¹ Литературное завещание И.А. Бунина / Публ. и предисл. Л. Зурова // Новый журнал. 1961. № 66. С. 166–172.

¹² Мемуарные очерки В.Н. Буниной «Беседы с памятью» на протяжении нескольких лет печатались в эмигрантской периодике (Новое русское слово 1955, 7 и 28 авг.; Новый журнал. 1960–1962. №№ 59–60, 62–64, 67; Грани. 1962. № 52–53). Отдельное издание появилось много позже: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко*. М., 1989.

¹³ Далее густо зачеркнуто: «но она для Льва Вениаминовича не существует».

¹⁴ Л. Зуров неоднократно публиковал заметки и записи И. Бунина в «Новом журнале» (1965. №№ 79, 80; 1966. №№ 82, 84; 1967. № 88), а также фрагменты дневника В.Н. Буниной (Новый журнал. 1972. № 107).

¹⁵ Далее густо зачеркнуто: «Мне в свое время многое было обещано, но пока что это остается обещанием». На полях напротив этого абзаца помета: «Об этом я сегодня Л.В. Никулину написал».

¹⁶ Далее зачеркнуто: «как Вы отлично понимаете».

¹⁷ Бабореко Александр Кузьмич (1913–1999) — литературовед, текстолог, исследователь жизни и творчества Бунина. Начиная с 1956 г. переписывался с В.Н. Буниной, а затем и с Л.Ф. Зуровым, обсуждал вопрос о приобретении архива. Переписку А. Бабореко с Л. Зуровым и В. Буниной 1958–1971 гг. см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 32–38.

¹⁸ Косолапов Валерий Алексеевич (1910–1982) — критик. Главный редактор «Литературной газеты» (1960–1962) и журнала «Новый мир» (1970–1974), глава издательства «Художественная литература». По воспоминаниям А.К. Бабореко, деятельное участие в деле получения бунинского архива принял профессор Н.К. Гудзий. После беседы с Бабореко, состоявшейся в декабре 1961 г., он при содействии В.А. Солоухина провел переговоры с секретариатом Союза писателей, а также ввел в курс дела В.А. Косолапова. А.К. Бабореко встретился с Косолаповым 12 января 1962 г. и рассказал ему о ситуации с архивом. Тот также обещал обсудить эту тему в Союзе писателей и в ЦК КПСС. По совету Бабореко Косолапову написал и сам Л. Зуров (*Бабореко А.К. Дороги и звоны*. С. 99).

¹⁹ Далее Зуров с небольшими пропусками приводит свое письмо В.А. Косолапову от 22 января 1962. Авторизованная машинописная копия письма — LRA. MS. 1068/3331.

²⁰ Л.Ф. Зуров хотел, чтобы для переговоров о передаче наследия Бунина к нему прибыл профессиональный литературовед, и надеялся, что им станет А.К. Бабореко. Вера Николаевна ценила труды Бабореко и была признательна за помощь, которую он оказал ей во время работы над книгами о Бунине. После ее кончины Зуров вел с Бабореко обширную переписку. В книге «Дороги и звоны» (глава «Меня не пускают в Париж») Бабореко в подробностях описал трехлетние мытарства, которые ему пришлось претерпеть от чиновников в попытках добиться выезда в Париж, после чего в поездке ему было отказано (см.: *Бабореко А.К. Дороги и звоны*. С. 98–109).

²¹ Пияшев Николай Федорович (1923–2004) — писатель, автор книг: «Воровский», «Павел Нилин», «Великий страстотерпец» (о Н.И. Бухарине) и др. В 1960–1966 гг. — директор Государственного литературного музея.

²² В письме к Л.Ф. Зурову от 16 июня 1961 г. Н.Ф. Пияшев предлагал передать в Литературный музей всё наследие Бунина, включая вещи, мебель, рукописи и книги: «У нас это всё может сохраниться, а у Вас в Париже может затеряться и в конце концов пропасть» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. ед. хр. 91. Л. 24).

²³ Далее цитируется письмо Зурова Н.Ф. Пияшеву от 30 января 1962 г. (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. ед. хр. 91. Л. 25–25об.)

²⁴ Далее в письме Зурова Пияшеву следовало: «и материалы личного архива Ивана Алексеевича в Государственный центральный архив» (Там же).

²⁵ Фраза в кавычках — цитата из письма Л.В. Никулина Зурову от 3 января 1962 г.

9. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 марта 1962 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Почему Вы писали не на мой домашний адрес, а на Институт русской литературы? Письмо Ваше шло долго и пролежало несколько дней в Институте. Но сегодня я получил его. И принял самые энергичные меры. Связался с директором Орловского музея Л.Н. Афониним¹. Завтра он уезжает в Москву с рядом решительных писем в весьма авторитетные инстанции и добьется того, что завещанные Советскому Союзу вещи Ивана Алексеевича будут отправлены нашим посольством для помещения их в Орловском музее. Прошу Вас держать меня в курсе всех дальнейших событий. Если будет какая-либо еще задержка, извещайте меня немедленно. Продовольственную посылочку с русским черным ржаным хлебом отправлю Вам в самые ближайшие дни. Пишите мне по несколько слов хотя бы, но держите меня, пожалуйста, в курсе всех Ваших дел.

С сердечным приветом и искренним восхищением Вашей стойкостью и Вашим терпением, которое мы здесь очень и очень ценим,
В. Мануйлов

13 марта 1962 Ленинград

С возмещением понесенных Вами расходов дело много сложнее. Попробуем, но вряд ли это удастся.

Машинопись

¹ Афонин Леонид Николаевич (1918–1975) — писатель, журналист, литературовед, педагог. В 1959–1967 гг. — директор Государственного музея И. С. Тургенева в Орле. В 1960 окончил Лит. институт имени А.М. Горького и принят в члены СП СССР. С 1966 г. — преподаватель, затем зав. кафедрой советской и зарубежной литературы Орловского педагогического института. Занимался вопросом о приобретении архива и обстановки из парижской квартиры Бунина для возглавляемого им музея. Вел переписку с московскими официальными инстанциями, обращался в Союз писателей и Министерство культуры СССР. Видя бесплодность этих попыток, Л.Н. Назарова советовала пойти на крайнюю меру: «Мне кажется, дорогой Леонид Николаевич, что Вам следовало бы теперь обратиться (по поводу бунинских вещей) непосредственно к Н.С. Хрущеву и одновременно в ЦК с жалобой на то, что Министерство культуры до сих пор ничего не ответило на Ваше заявление <...> Л.Ф. Зуров очень надеется именно на Вас!» (Письмо Л. Назаровой к Л. Афонину от 3 января 1962 г. // РО ИРЛИ. Ф. 851. Архив Л.Н. Назаровой).

10. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

7 апреля 1962 г.

7 апреля 1962, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

3 апреля мы вспоминали Веру Николаевну — удивительную русскую женщину, которой мы все так многим обязаны. Есть ли какое-либо движение с отправкой вещей квартиры Ивана Алексеевича? Сделано всё возможное. Если и теперь движения не будет, Вы, думается мне, имеете полное моральное право поступать по своему усмотрению.

Спасибо за отгиск Вашей статьи о «Тамани» Лермонтова. Я получил ее и еще раз перечел с интересом. Хорошая, убедительная статья.

Дошла ли до Вас моя посылочка?

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Автограф.

11. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

14 апреля 1962 г.

Париж, 14-го апреля 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович,

от всего сердца благодарю Вас за всё. Меня очень тронуло, что Вы вспомнили о годовщине смерти Веры Николаевны.

Благодаря Вам дело сдвинулось с мертвой точки. У меня был представитель культурного отдела посольства Пастухов, долго со мной беседовал. Спросил, каковы мои условия, просил меня составить подробную опись не только находящихся на складе вещей, но и хранящихся у меня, и подготовить вещи для передачи, сказал, что через 2 недели он мне позвонит. Этот срок уже прошел, но звонка еще не было.

Отложив все дела, я взялся за составление подробных описей. Копии Вам посылаю.

Два дня тому назад пришла Ваша посылка. Если бы вы знали, как я наслаждаюсь черным хлебом, угощаю друзей, а они говорят — пряник, а не хлеб! Калач чудесный. Пьем грузинский чай с киевским сахаром. Вспоминаю Вас, курю с наслаждением крымский табак и мысленно благодарю.

Написал бы сразу, но замучила невралгия правой руки.

Еще раз от всей души благодарю Вас, дорогой Виктор Андроникович, желаю здоровья, доброй работы. Привет далеким друзьям.

С сердечным приветом

Л. Зуров

P.S. Будьте столь любезны, Виктор Андроникович, конечно, если это возможно, снимите копии с описи и перешлите кому надо (А.К. Бабореко? Л.Н. Афонину?).

Л. З.

Машинопись.

12. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 апреля 1962 г.

13 апреля 1962. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Надеюсь, Вы получили мои два последних письма, посланных Вам совсем недавно. Дошла ли до Вас моя посылка и не заплесневел ли ржаной хлеб? Если всё дошло хорошо, можно будет повторить. С большим нетерпением жду известий о судьбе вещей Ивана Алексеевича. Если их до сих пор не взяли, то уж, видно, никакие экстра-меры, принятые нами, не в силах сдвинуть с мертвой точки решение этого, казалось бы, простого вопроса.

Еще раз перечел Вашу статью о «Тамани» Лермонтова. Сопоставление с «L'Огсо» Жорж Занд очень убедительное, и нет никаких сомнений, что Лермонтову эта новелла была известна. «Тамань»

впервые напечатана в «Отечественных записках» в 1840 году, в февральской книжке, т. VIII, № 2, отд. III, стр. 144–155. Этот номер вышел около 14 февраля. Жорж Занд не могла знать повести Лермонтова, Лермонтов, конечно, читал новеллу Жорж Занд. И, вместе с тем, Вы совершенно правы, отмечая большее мастерство нашего поэта. Теперь весь вопрос только в том, чтобы доказать, что это открытие принадлежит Вам, что до Вас кто-либо уже не указывал на это близкое сходство. Смотрю, ищу. Если ничего не найду, поздравлю Вас от всей души еще раз и непременно упомяну о Вашем открытии на V Всесоюзной Лермонтовской конференции, которая в этом году соберется в середине мая в г. Орджоникидзе (бывш. Владикавказ), а затем завершится в Тбилиси (Тифлисе).

В отписке, который Вы мне любезно прислали с трогательной надписью, не указано название и номер журнала, а в машинописной копии неразборчиво написаны год и номер. Повторите еще раз точную библиографическую справку, чтобы я мог сослаться на Вашу интересную работу в нашей печати при первом же удобном случае.

Через год в Софии будет съезд славистов. Было бы целесообразно эту Вашу работу доложить на этом съезде, поставить ее как-то в центр внимания. Статья интересна для решения вопроса общего порядка: влияния и заимствования ни в какой мере не снимают, не исключают творческой самостоятельности и самобытности, если мы имеем дело с настоящим большим художником.

Не обратиться ли Вам за помощью в деле ускорения перевоза бунинских вещей в редакцию «Юманите»? Это в том случае, если Вы считаете почему-либо нецелесообразным прямой разговор по этому делу в посольстве. Ваше обстоятельнейшее письмо¹ использовано мною всюду, где только можно.

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Имеется в виду письмо Зурова от 20 февраля 1962 г.

13. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

18 апреля 1962 г.

Париж, 18-го апреля 1962

Дорогой Виктор Андроникович,

спасибо за письмо от 13-го апреля. Позавчера я ответил Вам на 2 письма и поблагодарил за чудесную посылку. Хлеб не только не

заплесневел, но и не зачерствел. А вкушали его многие — художник Ланской, Г.М. Воронцов-Вельяминов¹, который мне рассказал, как его угощали в Михайловском груздями и вареньем из малины, и многие другие.

Сегодня я внес плату за хранение вещей Ивана Алексеевича за три месяца вперед (таково условие). Пастухов мне еще не позвонил. Вещи приготовлены для сдачи, но, конечно, мне хотелось бы, чтобы их принимал человек культурный, которому я мог бы дать необходимые пояснения.

Моя работа была опубликована в «Новом журнале» (Нью-Йорк), кн. 66, декабрь 1961, стр. 278–281.

Лично Вам мне хочется сказать, что прочел я «Орко», будучи больным, лежа в постели, после того, как измотанный в Париже до крайности (после беседы с Л.В. Никулиным) приехал к друзьям в Шотландию. Я попросил их принести мне из библиотеки «Ревю де дё монд»², т.к. я не дочитал в предыдущем году опубликованную там работу о Шотландии. «Орко» стал читать потому, что действие происходит в Венеции, которую я очень люблю, хотя там и не бывал.

На Софийский съезд собираются некоторые из моих друзей-славистов. Завидую им, что увидят Болгарию.

Пожалуйста, известите меня о результатах Ваших поисков, — это очень интересно.

Замотан я до крайности, затяжная история с бунинскими вещами стоила мне много сил и здоровья, выбила меня из рабочей колеи, и я очень досаую, что до сих пор не мог закончить отделку своей повести³, а также опубликовать небольшое сообщение, связанное с Лермонтовым (биографического характера).

От всей души желаю Вам здоровья, плодотворной работы.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

Машинопись.

¹ Воронцов-Вельяминов Георгий Михайлович (1912–1982) — потомок сына А.С. Пушкина Александра; инженер. Жил во Франции. В годы Второй мировой войны сражался в рядах французской армии. Изучал материалы биографии Пушкина. Начиная с 1960 г. неоднократно посещал Москву, Ленинград, Пушкинские Горы.

² “*Revue des Deux Mondes*” — (*фр.* Обозрение двух миров, т.е. Старого и Нового света) — двухнедельный французский журнал, основанный в 1829 г. Находясь в Шотландии, Зуров познакомился с рассказом Ж. Занд “*L’Ogco*”, напечатанном в номере от 1 марта 1838 г., и написал статью, в которой сопоставил его с «Таманью» Лермонтова.

³ Имеется в виду повесть «Иван-да-Марья». См.: Белобровцева И.З. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Зуров Л. Иван-да-Марья. СПб., 2015. С. 5–30.

14. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*24 апреля 1962 г.*

24 апреля 1962. Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Бесконечно благодарен Вам за план квартиры Ивана Алексеевича и опись его вещей.

План будет сфотографирован, опись перепечатана, и все эти материалы я передам в Пушкинский Дом и Л.Н. Афонину в Орловский музей¹. Это представляет несомненную ценность. Л.Н. Афонин ждет не дожидается все эти вещи поместить в специальной бунинской комнате в Орловском литературном музее². Покажите это мое письмо товарищам из нашего посольства, конечно, если в этом будет необходимость. Нужно, чтобы они знали, что все вещи найдут свое место в экспозиции и в фондах Орловского музея, что в получении этих вещей, а затем, конечно, и всего рукописного наследия заинтересован Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинским Дом), о чем во время пребывания во Франции не раз говорил академик М.П. Алексеев, и Орловский литературный музей. Союз писателей, «Литературная газета» давно следят за этим делом, и всем нам непонятно и неприятно, что дело так затянулось. Министерство культуры давно уже сообщило Министерству иностранных дел свое мнение о том, что эти вещи, завещанные Советскому Союзу, в самое ближайшее время должны быть перевезены в Орел. Поэтому смело и решительно напоминайте работникам посольства о необходимости срочно довести дело с бунинскими вещами до конца.

В начале мая надеюсь соорудить для Вас новую посылочку, если ржаной хлеб доходит хорошо и доставляет Вам удовольствие, pošлем еще несколько буханок. Напишите мне, что Вам еще прислать. Очень буду рад порадовать Вас.

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Опись и план парижской квартиры Буниных Мануйлов переслал директору Орловского музея И.С. Тургенева Л.Н. Афонину, который скопировал их и копии выслал в Пушкинский Дом. Эти документы значатся среди материалов, поступивших в РО ИРЛИ в 1962 г. (Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 121). Они датированы Зуровым 12 апреля 1962 г. Опись (16 страниц машинописи) состоит из разделов: «Бунинские вещи, отправленные Л.Ф. Зуровым летом 1961 года на склад на хранение» (29 предметов), «Описание Бунинских комнат в том виде, как они находились при жизни Веры Николаевны Буниной», «Личные вещи Ивана Алексеевича Бунина, предназначенные для передачи в музей». Опись завершается важной ремаркой Л. Зурова: «Все

вещи Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных, упомянутые в описях, предназначены мною для передачи в соответствующий музей в СССР» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 121. Л. 16). План квартиры, опубликованный в «Лит. наследстве» (Т. 84. Кн. 2. С. 501), несколько отличается от копии, хранящейся в РО ИРЛИ.

² В 1957 г. в Орле открыт Музей писателей-орловцев, где одна из экспозиций была посвящена творчеству Бунина, а в 1991 г. — литературно-мемориальный музей И.А. Бунина с детально воссозданным кабинетом его парижской квартиры. В нем находится подлинная мебель писателя, присланная в 1973 г. Н.В. Кодрянской, а также его личные вещи, переданные в 1988 г. М.Э. Грин.

15. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

15 мая 1962 г.

15-го мая 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за письмо и за очаровательную книжку «Гоголь в Петербурге»¹. Читаю ее с наслаждением. Вам я послал «Речной трактир» И.А. Бунина (простой бандеролью). Завтра пошлю «Избранные стихи»² И. Бунина. Книга распродана давно. Это из сокровенного запаса.

От Л.Н. Афонина прилетело письмо. Радостно взволнован³. Всё получил. Спасибо. Ал<ександр> Кузьмич Бабореко известил меня, что Конст<антин> Васильевич Воронков⁴ горячо поддерживает его просьбу относит<ельно> командировки в Париж. Считает такую командировку совершенно необходимой. «Только нужно, как обычно в подобных случаях, решить некоторые практические вопросы, а для этого необходимо кое с кем поговорить. Вот он (К.В. Воронков — Л.З.) и занялся сейчас этим. Ожидаю дополнительных известий»⁵.

Летом меня в Париже не будет. С середины июля до начала октября я буду в отъезде.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

Почтовая карточка.

¹ Гиллельсон М.И., Мануйлов В.А., Степанов А.Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961.

² Бунин И. Избранные стихи. Париж, 1929. Рассказ Бунина «Речной трактир» в 1945 г. при содействии М. Алданова, М.О. и М.С. Цетлиных выпущен отдельной брошюрой как подарок к 75-летию автора: Бунин И. Речной трактир / Обл. и концовка работы М.В. Добужинского. Нью-Йорк: Grenich printing corp., 1945.

³ Скорее всего, имеется в виду письмо Афонина Зурову от 10 мая 1962 г. В нем Афонин рассказывает о бунинском собрании Орловского музея, благодарит за намерение передать письменный стол Бунина и заверяет, что будет рад получить «всё, что напоминает нам о нашем славном земляке — большом писателе, так любимом Орловский край», а также выражает надежду, что помощь в пересылке окажет Советское посольство (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 27. Л. 46–48 об.)

⁴ Воронков Константин Васильевич (1911–1984) — прозаик, драматург, функционер. В 1950–1970-е гг. работал секретарем Правления Союза писателей по идеологическим вопросам. Курировал и вопрос о поездке Бабореко к Зурову. Историю своего общения с чиновником Бабореко определил как «многие хождения, выматывавшие душу» (*Бабореко А.К.* Дороги и звоны. С. 100). Известна записка Воронкова в Советское посольство во Франции от 4 апреля 1962 г., содержащая оскорбительные характеристики и необоснованные подозрения: Зуров «либо не смог добиться выгодной сделки с американцами, либо уже сбыл им наиболее ценные материалы. Не исключено также, что он попытается сохранить ряд материалов для своих дальнейших коммерческих операций. Исходя из того, что известно о моральном облике Зурова, приходится допустить, что он действует в основном в личных, не бескорыстных целях». Сотрудникам посольства, которые наладили контакт с Зуровым и уже получили (в ноябре 1961 г.) 12000 франков для приобретения архива, Воронков советует: денег писателю заранее не выплачивать, «это даст ему возможность продолжать тактику различных домогательств и попыток сбить нам ненужные вещи» (цит. по: «Советская хроника» Ивана Бунина / Публ. Дм. Черниговского // Рошин М.М. Иван Бунин. М., 2000. С. 325–326). По сути, этим письмом Воронков застопорил процесс переговоров.

⁵ В 1962–1963 г. А. Бабореко постоянно посылал Зурову обнадеживающие письма по поводу своего скорого приезда. Этой поездке всячески содействовал и А.Т. Твардовский, неоднократно обращавшийся в Союз писателей, где были выделены средства на нее. Однако когда дело было уже решенным, К.В. Воронков отправил вместо Бабореко писателя В.Н. Ажаева, главного редактора журнала «Советская литература». Ему было поручено закончить переговоры по приобретению архива Бунина. «Вернулся Ажаев обозленный — видно, что никакого контакта с Зуровым у него не получилось. Впоследствии Зуров удивлялся “потрясающему невежеству” Ажаева» (*Бабореко А.К.* Дороги и звоны. С. 106).

16. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

25 мая 1962 г.

25 мая 1962. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за «Речной трактор», очень-очень тронут Вашим вниманием, а рассказ этот давно люблю и считаю одним из лучших у Ивана Алексеевича.

Из Ваших писем мне не ясно, в каком же положении вопрос с перевозкой в СССР в Орловский музей вещей, завещанных Верой Николаевной и хранящихся в Буживале. Отправлены ли они наконец, и есть ли реальная надежда, что это будет сделано в ближайшее время нашим посольством? Сообщите мне обо всем этом незамедлительно, и, если это будет нужно, я еще раз приму соответствующие меры.

С Ал<ександром> Кузьмичом Бабореко я лично не знаком. Его поездка в Париж, вероятно, полезна и целесообразна, но самое главное для нас — это добиться, чтобы вещи Ивана Алексеевича, завещанные Советскому Союзу, наконец поступили к Л.Н. Афонину в Орловский музей.

Летом я буду в Коктебеле, буду готовить сборник избранных стихов М. Волошина¹. Но с сентября опять буду в Ленинграде, и мне очень было бы важно с осени снова восстановить нашу переписку. Поэтому прошу Вас сообщить мне, когда Вы вернетесь после летнего отдыха в Париж.

Когда Вы уезжаете на лето? Может быть, я еще успею соорудить Вам маленькую посылку с черным хлебом, русским сахаром и табаком. Напишите только, что еще прислать и какими сроками я располагаю.

С сердечным приветом,

В. Мануйлов

Если увидите Б.К.Зайцева — передайте, пожалуйста, мою благодарность за «Божественную Комедию» Данте².

В.М.

Автограф.

¹ В.А. Мануйлов — основоположник профессионального изучения жизни и творчества М. Волошина. Встречался с ним в Коктебеле в июле 1927 г. Участвовал в восстановлении дома-музея поэта. Собрание стихов было подготовлено спустя пять лет, но издать его не удалось.

² *Данте Алигьери*. Божественная Комедия. Ад / Пер. Б. Зайцева. Париж: YMCA-Press, 1961.

17. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

29 мая 1962 г.

29 го мая 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович!

Вы уже вернулись домой. Спасибо за письмо. Я догадался, что Вы в отъезде. Книжку («Гоголь в Петербурге») прислал мне В.И. Майзин¹. Побывали Вы в Орджоникидзе и в Тбилиси. Как прошла Лермонтовская конференция?

Вот еще хочу о чем Вас спросить. 13-го апреля Вы мне написали: «...Теперь весь вопрос только в том, чтобы доказать,.. что до Вас кто-либо уже не указывал на это близкое сходство. Смотрю, ищу...» Чем же окончились Ваши поиски?

Отвечаю на Ваши вопросы. Бунинские вещи лежат на складе, за хранение я уплатил, но склад этот находится не в Буживале (в прошлом году меня Кодрянские известили, что транспортная контора отвезла вещи в Буживаль), а в Венсене.

Пастухов^а) еще не звонил. От А.К. Бабореко получил я письмо (от 24-го мая). Вот выдержка из него: «...Сразу же сообщил К.В. Ворон-

кову относительно Вашего отъезда из Парижа⁶⁾, чтобы он принял это во внимание и ускорил оформ<ление> командировки, которая, как я писал Вам, в соответствующих организациях решена...»

В Вашем последнем письме есть такая фраза: «...Его поездка в Париж, вероятно, полезна и целесообразна, но самое главное для нас это добиться, чтобы вещи Ивана Алексеевича, завещанные Советскому Союзу, наконец поступили к Л.Н. Афонину в Орловский музей». Согласен с Вами.

Меня утомил разницей. Я всё время пытаюсь объединить людей, занятых бунинс<кими> делами. Пастухов, а об этом я уже писал Вам, сказал мне, что бунинские вещи решено взять. Он тогда же спросил меня: «каковы ваши условия?» На этот вопрос я ему дал ясный и точный ответ. Надеюсь, что Пастухов известил обо всем К.В. Воронкова, с которым связан А.К. Бабореко. Л.Н. Афонин ведет переписку с Бабореко? А.К. Бабореко сегодня запрошу.

Вы мне написали: «вещи Ивана Алексеевича, завещанные Советскому Союзу». Простите, дорогой Виктор Андроникович, но вещи Вера Николаевна завещала мне. Вера Николаевна верила (об этом она не только мне, но и друзьям своим часто говорила), что бунинские вещи будут куплены для музея. Она верила, что будет открыт в СССР музей И.А. Бунина. Это желание покойной Веры Николаевны.

С нетерпением ожидаю от Вас дополнительных известий.

Привет друзьям.

От всей души желаю Вам плодотворной работы.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Похоронили Сергея Константиновича Маковского². Сейчас в больнице умирает бывший артист Моск<овского> Худ<ожественного> театра А.А. Вырубов³. Л.З.

Много помарок. Простите. Очень тороплюсь! Л.З.

^{а)} Простите, запомнил его имя и отчество.

^{б)} Из Парижа я хочу уехать в середине июля

Машинопись.

¹ Лицо не установлено.

² Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — поэт, критик, искусствовед, издатель. Редактор журнала «Русская икона» (1914), основатель и редактор журнала «Аполлон». В 1920 эмигрировал в Прагу. С 1925 — в Париже. Основатель Общества «Икона». Автор нескольких книг стихов и воспоминаний.

³ Вырубов Александр Александрович (1882–1962) — артист, режиссер. Играл в Московском Художественном театре. В 1922 эмигрировал, жил в Берлине, Париже.

Входил в группы разных театров русского зарубежья, выступал на концертах и благотворительных вечерах. Скончался 2 июня 1962 г.

18. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

29 мая 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Получил письмо от Л.Н. Афонина. Вот выдержка^{а)} из него: «Сегодня получил Ваше письмо. Из него узнал^{б)}, что Алек<сандр> Кузьмич Бабореко собирается ехать в Париж, чтобы принять вещи Ив<ана> Алексеевича Бунина. Новость эта меня обрадовала, ибо она означает, что скоро успешно завершится (наконец-то!) затянувшаяся история. Я не знаю еще, каковы полномочия Александра Кузьмича (ему я сегодня послал письмо), но я надеюсь, что при передаче вещей Ив<ана> Алексеевича будут учтены интересы Тургеневского музея — пока единственного музея в нашей стране, где есть экспозиция, посвященная Бунину». Я А.К. Бабореко спешно написал^{в)} и попросил его: «Покажите, пожалуйста, мою открытку К.В. Воронкову. Спросите К.В. Воронкова: “Известен ли Вам доклад Пастухова, который беседовал с Л.Ф. Зуровым? Разговор шел о приобретении бунинских вещей. Что решено?” Вы, дорогой Александр Кузьмич, должны перед отъездом получить точный ответ. Должно быть принято решение»¹.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Надеюсь, что Вы получили книгу Ив<ана> Алексеевича Бунина «Избранные стихи» 1929 г. Привет Л.Н. Назаровой, Е.И. Кийко и Т.П. Головановой.

Л.З.

29-го мая 1962 г. Париж

^{а)} Всё посылаю Вам выдержки! Увы!

^{б)} Поразительно!

^{в)} Я превратился в канцелярскую крысу. Ужас! Горе мое! Питаюсь бананами и апельсинами.

Почтовая карточка. Письмо и карточка датированы одной датой, 29 мая 1962 г. Вероятно, Зуров вначале отправил письмо, а затем, получив послание от Л. Афонина, поспешил в открытке сообщить его содержание Мануйлову.

¹ Зуров цитирует письмо к нему Л. Афонина от 21 мая 1962 г. (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр.27. Л. 49–50).

19. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*6 июня 1962 г.*

6-го июня 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович!

Получил я открытку от А.К. Бабореко. «О командировке нового ничего не могу написать, потому что Константин Васильевич Воронков на несколько дней отлучился из Москвы, в конце этой недели возвратится. Переговорив с ним, я Вам напишу». Открытка датирована 28/V с.г.

Боюсь, что А.К. Бабореко до середины июля не приедет, ведь визу не так-то просто получить, а откладывать свою поездку я не должен ни в коем случае. Отдых мне необходим. Вернусь в Париж в начале октября. Сегодня я написал А.К. Бабореко: «Если у Вас дела пошли в затяжку, пожалуйста, приезжайте в октябре. С радостью Вас встречу».

Надеюсь, что Вы получили мое письмо.

От всей души желаю Вам здоровья и благополучия.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Сердечный привет Леониду Николаевичу Афонину. Очаровательный он человек.

Л.З.

Почтовая карточка.

20. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*6 июня 1962 г.*

6 июня 1962. Ленинград. День рождения Пушкина

Дорой Леонид Федорович!

А я ведь послал Вам книжку «Гоголь в Петербурге» одновременно с посылкой бандероли Б.К. Зайцеву. Жаль, если моя посылка, вернее бандероль, не дошла до Вас. Наша Лермонтовская конференция прошла содержательно, на редкость интересно¹.

Пока я не обнаружил ни одного упоминания “L’Orco” Жорж Занд в связи с «Таманью». Если обнаружу — тотчас же Вам сообщу. Видимо, приоритет этого открытия за Вами.

Анатолия Кузьмича Бабореко лично не знаю и не совсем понимаю, почему необходима его поездка, чтобы переправить вещи И<вана> А<лексеевича> в Москву.

Спасибо, что Вы мне разъяснили. Я всегда думал, что вещи заещаны и принадлежат Советскому Союзу. Если же речь идет о том, что они должны быть куплены Советским Союзом, — дело несколько усложняется, тут нужны ассигнования, а получить их сейчас не так-то просто. Многое с задержкой становится понятно.

Почему бы Вам не написать обо всем прямо Константину Васильевичу Воронникову² в Союз писателей и Леониду Николаевичу Афонину в Орел в Музей И.С. Тургенева?

Сообщите мне, пожалуйста, точную дату смерти С.К. Маковского. Это мне необходимо для моей работы о Черубине де Габриак³. Нельзя ли раздобыть книгу его воспоминаний «Портреты современников»⁴?

Когда Вы уезжаете на отдых? Не успею ли я еще Вам прислать посылочку?

С приветом,
В. Мануйлов

Автограф.

¹ Пятая Всесоюзная лермонтовская конференция прошла в Орджоникидзе в мае 1962 г. См.: *Прокопенко Л.И.* Пятая лермонтовская конференция // Русская литература. 1962. № 4. С. 245–248.

² Ошибка, следует: Воронкову.

³ В 1960-е гг. Мануйлов выступал с докладами о Черубине де Габриак; в печати его работа появилась в 1988 г.: *Мануйлов В.А.* Гороскоп Черубины де Габриак // Волошин М. Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л., 1988. С. 755–760.

⁴ *Маковский С.К.* Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

21. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

<Июнь 1962 г.>

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо, что Вы так точно и трогательно информируете меня о ходе дел с приобретением бунинских вещей. Для пользы дела это необходимо. Я уже писал Вам на днях, что приобретение, а не передача делает понятным столь длительную задержку. Всё, что связано с расходом валюты, требует решения высших инстанций, и расходуется валюта крайне экономно. Вот почему я опасаясь, что дело ограничится поездкой А.К. Бабореко и не много прибавит к вояжам Л.В. Никулина.

«Избранных стихов» 1929 г. пока, к сожалению, не получил, как не дошли до меня и книги Б.К. Зайцева «Москва» и «Тихие зори»¹. Может быть, всё это еще находится в пути.

В прошлом письме я спрашивал Вас, когда Вы собираетесь на летний отдых, не успею ли я Вам до отъезда Вашего прислать еще небольшую посылочку с русскими вкушностями.

И еще. Я просил сообщить мне точную дату смерти С.К. Маковского, о котором я пишу в статье о Черубине де Габриак.

Получили ли Вы это письмо?

Л.Н. Назарова, Е.И. Кийко и Т.П. Голованова благодарят за внимание и шлют Вам привет!

Сердечно Ваш

В. Мануйлов

Автограф. Письмо не датировано; из содержания следует, что отправлено в интервале между письмами Мануйлова от 6 и 13 июня 1962 г.

¹ Речь идет о мемуарной книге Б.К. Зайцева «Москва» (Мюнхен, 1960) и сборнике рассказов «Тихие зори» (Мюнхен, 1961).

22. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 июня 1962 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за открытку от 6 июня. Как раз в этот день я писал Вам — наши письма разошлись.

Куда Вы собираетесь на отдых? Когда едете из Парижа? Я буду летом в Коктебеле, в Крыму, где в архиве М.А. Волошина буду готовить сборник его избранных стихотворений и поэм для Крымского областного издательства. Рад буду прислать Вам этот сборник, как только он выйдет, но будет это не раньше начала 1963 года. «Стихотворения» Ив<ана> Алексеевича так и не получил. Застряли, к сожалению.

Насколько я верю Леониду Николаевичу Афонину, настолько я мало жду реальных результатов от поездки Анатолия Кузьмича <Бабореко>. Впрочем, последнего я никогда не видел, лично с ним не знаком, и очень может быть, что я ошибаюсь в этой своей настороженности.

Сердечное спасибо Вам за внимание.

От всей души желаю Вам хорошего отдыха, здоровья, бодрости.

С уважением и приветом,

В. Мануйлов

13 июня 1962. Ленинград

Автограф.

23. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*19 июня 1962 г.*

19 июня 1962 г. Париж

Дорогой Виктор Андроникович!

Спасибо за письмо. Постараюсь Вам прислать вырезку из книги Сергея Константиновича Маковского «Портреты современников». Через несколько дней я эту книгу получу. Черубина де Габриак! Жаль, что скончался Зноско-Боровский¹. Он мне говорил (после доклада Маковского), что написал бы об этой истории по-иному. С.К. Маковский скончался 12-го мая с.г.

Передал от Вас привет Б.К. Зайцеву. Ваше письмо он получил. Спасибо за желание прислать посылку. Боюсь, что хлеб зацветет. В Париже сейчас тропическая духота. Прислал письмо А.К. Бабореко (отправлено 8-го июня). «Константин Васильевич (Воронков — Л.З.) дело с приобретением бунинских вещей успешно продвигает, и он был рад, когда я показал ему Ваши письма..., в которых четко и определенно говорится о принципиальном согласии на передачу вещей... Ни я, ни К.В. Воронков никогда не имели в виду безвозмездную передачу вещей Ивана А<лексееви>ча музею Советского Союза, всегда речь шла только о покупке. Сегодня К.А. Воронков сказал, что за вещи, безусловно, будет уплачено. Он сказал также, что моя поездка в Париж состоится до того, как Вы отбудете из этого города — до середины июля».

Вот и все новости, дорогой Виктор Андроникович. Сердечный привет друзьям. Вам я желаю здоровья и успешной работы над сборником Волошина. М. Цветаева рассказывала мне о волошинских местах. Древность изумительная².

Устал я зверски, а дел впереди много. Душно, жарко. Работая сейчас над рукописью.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

Почтовая карточка.

¹ Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954) — шахматист; драматург, критик. С 1920 г. во Франции. Опубликовал ряд статей о театре и русской поэзии.

² М. Цветаева неоднократно приезжала к М.Волошину в Коктебель в 1911–1917 гг. О волошинском уголке Крыма, порождающем в сознании поэта античные мифы, Цветаева рассказала в очерке-портрете «Живое о живом» (1932).

24. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*5 июля 1962 г.*

5 июля 1962. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Через 5 часов я вылетаю в Крым, в Коктебель, и до начала сентября наша переписка прервется. После первых чисел сентября сообщите мне, пожалуйста, когда Вы вернетесь в Париж, и напишите мне, чего бы Вам хотелось, что бы я Вам прислал.

Очень хочется знать, удастся ли А.К. Бабореко довести до конца затянувшееся дело с принятием и доставкой в Советский Союз вещей Ивана Алексеевича. Очень буду рад за Вас, когда наконец будут возмещены Ваши расходы и Вы вздохнете облегченно с сознанием доведенного до конца большого дела.

Вы пишете, что С.К. Маковский скончался 12-го мая. Из других источников я знаю, что 13 мая. Нельзя ли уточнить? И хотелось бы в сентябре получить от Вас в письме дату смерти Зноско-Боровского. Мне это надо для статьи о Черубине де Габриак.

Пишу глубокой ночью, очень усталый, простите за почерк, но хочу отправить Вам письмо до отлета из Ленинграда.

Сердечный привет и тысяча благодарностей за внимание,

В. Мануйлов

У нас очень интересные выставки А.П. Остроумовой-Лебедевой и М.В. Нестерова¹.

Автограф.

¹ В 1962 г. в Ленинграде были организованы персональные выставки художников-живописцев Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой (1871–1955) и Михаила Васильевича Нестерова (1862–1942).

25. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*9 июля 1962 г.*

9-го июля 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович!

Посылаю Вам заказной бандеролью книгу С.К. Маковского «Портреты современников». Пакет же направляю в Институт русской литературы (Пушкинский Дом Академии наук СССР). Так будет вернее. Надеюсь, что Вам эту книгу передадут. Ее мне вручила семья покойного С.К. Маковского, который умер 13-го мая с.г., а не 12-го мая, как я Вам тогда написал. Очень жалею, что «Избранные стихи»

Ив<ана> Ал<ексеевича> Бунина не дошли до Вас^{а)}. Книга редкая. Ее у букинистов достать нельзя.

От А.К. Бабореко получил письмо (от 26 июня), а в нем такие строки: «Думаю, что моя поездка раньше осени не состоится... Пусть ожидание меня не задерживает Ваш отъезд. В экстренном случае я послал бы Вам телеграмму». А Л.Н. Афонин уведомляет меня: «...Писем от А.К. Бабореко давно не получал. Может быть, он уже в Париже. Очень было бы хорошо, если бы он увиделся с Вами до Вашего отъезда из Парижа. Я надеюсь, что в недалеком будущем столь затянувшаяся “история” с передачей вещей Ивана Алексеевича решится благополучно, и они, наконец, окажутся в Орле, в нашем музее»¹.

Через неделю я уезжаю. Вернусь в Париж в октябре.

От всей души желаю Вам здоровья и успехов.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Писать можно по старому адресу. Письма мне пересылать будут. Л.З.

^{а)}Что-то часто стали книги в пути пропадать.

Почтовая карточка.

¹ Из письма Афонина к Зурову от 19 июня 1962 г. (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 27. Л. 51–52 об.).

26. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

18 октября 1962 г.

18 октября 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Получили ли Вы книгу С.К. Маковского? Я ее отправил в Институт русской литературы (Пушкинский Дом. Литературоведу Виктору Андрониковичу Мануйлову). Тогда же, — а это было перед моим отъездом в Шотландию, — послал Вам и открытку. Получили ли Вы ее?

9-го октября прочел в Лондоне (The Pushkin Club¹) доклад «“Тамань” Лермонтова и “L’Orco” Жорж Занд».

От всей души желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

Л. Зуров

P.S. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Людмиле Николаевне Назаровой, Тамаре Павловне Головановой, Владими-

ру Ивановичу Малышеву² и Павлу Петровичу Ширмакову³. От П.П. Ширмакова я получил письмо. Скоро ему ответчу. На днях должен получить письмо (деловое) от А.К. Бабореко, который должен приехать в Париж.

Л.З.

Почтовая карточка.

¹ Пушкинский клуб (современное название “Pushkin House”) создан русскими эмигрантскими кругами в Британии в 1954 г. как центр русской культуры. В нем проводились лекции, концерты, чтения, встречи. Первым председателем Совета клуба была М.М. Кульман (Зёрнова).

² Малышев Владимир Иванович (1910–1976) — археограф, историк древнерусской литературы. Работал в Пушкинском Доме, где в 1949 г. основал Древлехранилище — собрание древнерусских рукописей. В 1960-х гг. переписывался с Зуровым.

³ Ширмаков Павел Петрович (1919–1994) — кандидат филологических наук, в 1953–1975 гг. — сотрудник Пушкинского Дома. Работал в Рукописном отделе, занимался разбором и комплектацией архивов советских писателей. Зуров имеет в виду письмо к нему П.П. Ширмакова от 3 октября 1962 г., в котором тот интересуется ходом переговоров с Москвой касательно передачи парижского архива Бунина и в случае неуспеха предлагает передать архив Пушкинскому Дому (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 121. Л. 1–2). Эту тему Ширмаков развивает и в письмах к Зурову от 6 декабря 1962 и 13 февраля 1963 г. (там же).

27. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

27 ноября 1962 г.

27 ноября 1962. Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Сегодня получил из Москвы от Константина Александровича Федина письмо, в котором он пишет:

«Я говорил с К.В. Воронковым (ответственный секретарь Союза писателей СССР), хорошо знакомым с делами вокруг парижского архива Ив<ана> Ал<ексеевича> Бунина. Вероятно, нельзя обойтись без командировки в Париж специального лица (видимо, речь идет об А.К. Бабореко), достаточно сведущего в творческом наследии Бунина. Важно, конечно, иметь представление и о вещах, которые остались после Бунина и — вместе с архивом — находятся сейчас в ведении Л.Ф. Зурова.

Поэтому я очень прошу Вас... осуществить свое, высказанное в письме¹, предложение и предоставить нам, для ознакомления в секретариате Союза, опись того, что находится из наследства Бунина в Париже (литературного и бытового). Разумеется, было бы хорошо, если бы Вы прислали также что найдете нужным из своей переписки с Л.Ф. Зуровым.

Направить всё это прошу Вас Константину Васильевичу Воронкову по адресу секретариата СП СССР.

И я, и мои коллеги по СП вполне разделяем Ваше убеждение, что литературный архив Бунина должен находиться в СССР, равно и вещи его в Орловском литературном музее...» (Письмо датировано 23 ноября 1962 г.).

Сегодня же я условился с Павлом Петровичем Ширмаковым в архиве Института русской литературы Академии наук СССР, что Институт снимет копию с описи, которую я передал им на хранение, и, заверив эту копию, направит в Секретариат ССП с сопроводительным письмом к К.В. Воронкову, где будет высказана точка зрения ИРЛИ о необходимости форсировать это так затянувшееся дело. Я же пошлю им в секретариат ССП некоторые выдержки из Ваших писем ко мне, само собой разумеется, не задевающие самолюбия Л.В. Никулина или кого-либо еще. Просто, чтобы они видели, как давно ведутся эти безрезультатные переговоры.

Копии этого письма посылаю Леониду Николаевичу Афонину в Орловский литературный музей и рекомендую ему съездить в Москву для личных переговоров с К.В. Воронковым, для того чтобы объяснить им, как необходимы вещи Ивана Алексеевича для его комнаты в Орловском музее.

Напишите мне, пожалуйста, точно, в каком издании напечатана Ваша весьма убедительная и интересная статья о «Тамани» Лермонтова и о новелле Жорж Санд «L'Orgo». Я хочу в печати сослаться на Вашу работу, а у меня нет точных выходных библиографических данных. Нигде, кроме как у Вас, в лермонтовской литературе упоминания этого рассказа Жорж Санд я не встретил.

Книги С.К. Маковского я так и не получил, а она мне очень нужна для работы. Вообще лучше посылать на домашний адрес, так доходит скорее и точнее. Я справлялся в Институте, говорят, что мне тотчас же позвонили бы, если бы какой-либо пакет на мое имя пришел.

А получили ли Вы каталог выставки из собрания Ф.Ф. Нотгафта в Эрмитаже? ² Я послал этот каталог Вам, Б.К. Зайцеву и А.А. Сионскому³.

Книга С.К. Маковского есть в Публичной библиотеке, там я ее прочел, конечно, иметь ее под рукой, как и книгу прозы Марины Цветаевой, очень важно, но не тревожьтесь посылать еще раз (я знаю, как трудно достать эти книги, а получу ли я их, кто знает).

Людмила Николаевна <Назарова> и Павел Петрович <Ширмаков> шлют Вам привет.

С сердечным приветом и глубоким уважением
Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Константин Александрович Федин (1892–1977) был на тот момент первым секретарем Союза писателей СССР, имел звание члена Академии наук СССР. Мануйлов обратился к нему с письмом (от 23 сентября 1962 г.), где среди прочих тем был затронут вопрос о передаче бунинского мемориального наследия: «Мне представляется, что товарищи, занимающиеся этим делом в Министерстве культуры СССР и в нашем посольстве, не совсем справедливо относятся к Л.Ф. Зурову и не в полной мере используют свои возможности, чтобы не упустить эту часть наследия Бунина <...> Больше года он никак не может добиться, чтобы всё, оставшееся в квартире Бунина, попало бы наконец в СССР» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 2. Ед. хр. 355. Л. 3). Мануйлов выражал также готовность предоставить в распоряжение Федина свою переписку с Зуровым.

² Федор Федорович Нотгафт (нем. Friedrich Notthaft; 1886–1941) — искусствовед, коллекционер живописи, издатель, старший научный сотрудник Эрмитажа. В 1962 г. в Эрмитаже была открыта выставка произведений живописи и графики из собрания Нотгафта. Затем часть коллекции была передана в Русский музей.

³ Сионский Александр Алексеевич (1899–1976) — общественный деятель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1925 — во Франции. Член Союза галлиполийцев. Принимал участие в организации писательских вечеров, благотворительных концертов. Оказывал помощь писателям зарубежья и России в пересылке книг.

28. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

30 ноября — 1 декабря 1962 г.

30 ноября 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович,

получил посланный Вами каталог выставки картин и рисунков русских художников начала XX века¹. Спасибо сердечное. Показывал друзьям. Любовались работами Сомова (№№ 92, 93), Серебряковой (88, 90), Верейского, Белкина (№ 1), Бенуа (№ 20). Особенно меня порадовала лирическая и вдохновенная акварель С.П. Яремича². Он был дружен с покойным профес<сором> В.И. Полем³. Вл<адимир> Ив<анович> Поль мне говорил: «Какой это талантливый человек! Но что случилось, что с ним произошло? Где его картины?»

От всей души желаю Вам плодотворной работы.

Ваш

Л. Зуров

Сердечный привет Людмиле Николаевне <Назаровой> и Павлу Петровичу <Ширмакову>

P.S. М.А. Волошин нас удивил⁴. Прекрасно рисовал. Вступительная статья написана отлично⁵.

1-го декабря 1962

P.P.S. У меня грипп. Вчера открытку не удалось отправить. Сейчас (2 ч. дня) принесли Ваше заказное письмо. Очень хорошо.

Благодарю Вас за дружеское отношение. Радует меня, что Константин Алексеевич Федин Вам прислал деловое письмо. Моя статья («Тамань» Лермонтова и «L'Orgo» Жорж Занд) напечатана в «Новом журнале» (The New Review), в книге 66-й, в 1961 году. (New Review, December 1961, Quarterly, No 66. 2700 Broadway, New York 25, N.Y. U.S.A.). Напечатана же в отделе библиографическом (стр. 278, 279, 280, 281). Книгу Маковского я послал Вам заказной бандеролью. Фишка почтовая у меня. Думаю, что пакет лежит в Институте.

С сердечным приветом и глубоким уважением

Л. Зуров

Почтовая карточка.

¹ Имеется в виду издание: Выставка картин и рисунков русских художников начала XX века из собрания Ф. Ф. Нотгафта: Каталог / Сост. А. В. Помарнацкий и Г. А. Принцева. Л., 1962. Зуров упоминает работы, репродукции которых опубликованы в каталоге — К.А. Сомов. «Радуга. Вечерние тени» и «Лето»; З.Е. Серебрякова. «Пейзаж в Павловске» и «Портрет художника Д.Д. Бушена»; Г.С. Верейский. «Портрет Ф.И. Шаляпина», «Портрет А.П. Остроумовой-Лебедевой», «Портрет Ф.Ф. Нотгафта», «Озеро в Юкках», В.П. Белкин. «Вид речки Ждановки»; А.Н. Бенау. «Церковь св. Сульпиция в Париже»; С.П. Яремич. «Смольный собор».

² Яремич Степан Петрович (1869–1939) — художник, искусствовед, коллекционер. Член Союза русских художников. С 1918 — зав. отделением рисунков Эрмитажа, с 1930 — зав. реставрационной мастерской Эрмитажа.

³ Поль Владимир Иванович (1875–1962) — композитор, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель, художник. С 1920 в эмиграции в Париже. Один из основателей, директор и педагог Русской консерватории имени С. Рахманинова (1931–1956).

⁴ В каталоге воспроизведена картина М.А. Волошина «Пейзаж в Коктебеле».

⁵ Вступительная статья написана историком искусства Владимиром Францевичем Левинсоном-Лессингом (1893–1972).

29. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

16 декабря 1962 г.

Paris.

Дорогой Виктор Андроникович,

поздравляю Вас с наступающим Новым годом. Да принесет он Вам радость и счастье. Еще раз благодарю Вас за доброе отношение. Хотел Вам написать обстоятельное письмо, но грипп меня просто замучил. Затрепал. Какой-то он многоэтажный. До сих пор не могу сбить температуру. От П.П. Ширмакова я получил письмо. Передайте, пожалуйста, Павлу Петровичу <Ширмакову>, Людмиле

Николаевне <Назаровой> и Тамаре Павловне Головановой привет.
Скоро им напишу.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

16/ХІІ <19>62

Открытка с видом на Нотр-Дам (Париж).

30. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

28 октября 1963 г.

28 октября 1963. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Благодарю за открытку из Бретани с чудесными видами Атлантического океана.

Надеюсь, что Вы уже в Париже. Мне хотелось бы знать, как в настоящее время обстоит дело с передачей вещей и материалов из парижской квартиры Ивана Алексеевича для Орловского музея или вообще для Советского Союза.

Был ли у Вас Бабореко, и каковы Ваши дальнейшие намерения, если до сих пор вещи на сохранении и нет движения с их перевозом в СССР?

Какие условия Вы сейчас ставите, и как велика сумма, накопившаяся за это время, денег, уплаченных Вами за хранение?

Всё это мне нужно знать, чтобы еще раз поставить вопрос о перевозе вещей и материалов Ивана Алексеевича в Советский Союз в Министерстве культуры СССР и в других, не менее авторитетных инстанциях.

Знаете ли Вы, что 17 сентября с<его> г<ода> умерла Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая¹, большой друг И.А. Бунина?

Знаете ли Вы, что на Вашу статью о Лермонтове и Жорж Занд я сослался в своей статье в болгарском журнале «Език и литература», 1963, № 3?²

С приветом

В. Мануйлов

Автограф.

¹ Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888–1963) — поэтесса, мемуарист. Ранние стихи положительно оценил И. Бунин, которого она считала своим литературным учителем. В 1915–1935 гг. состояла в браке с А.Н. Толстым. Скончалась 17 сентября 1963 г. в Ленинграде. Мануйлов посвятил ей мемуарный очерк «О Н.В. Крандиевской-Толстой» (*Мануйлов В.А. Записки счастливого*

человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н.Ф.Будановой. СПб., 1999. С. 343–349).

² Мануйлов В.А. «Герой нашего времени» на М. Ю. Лермонтов като реалистичен роман // Език и литература. 1963. № 3. С. 41–46.

31. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

25 декабря 1963 г.

25 декабря 1963, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым 1964 годом и желаю от всей души, чтобы этот новый год был для Вас и всех нас годом исполнений наших желаний и душевного спокойствия. А главное, пожалуйста, будьте здоровы и бодрь!

Послал еще одно письмо о недопустимой задержке перевода в СССР вещей и материалов Ивана Алексеевича — писал о нем в высокие инстанции¹. Жду ответа. Еще раз спасибо за открытку из Бретани.

Ваш В. Мануйлов

Автограф.

¹ Фраза отчеркнута на полях красным карандашом. Имеется в виду письмо Мануйлова секретарю ЦК КПСС Леониду Фёдоровичу Ильичёву от 19 декабря 1963 г. Содержание письма кратко изложено во вступительной статье. В 1965 г. Мануйлов выслал В.А. Сафонову и А.К. Бабореко копии своего письма Ильичеву как основу для обращения в высшие инстанции.

32. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

28 февраля 1965 г.

28 февраля 1965, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Сердечно благодарю за открытку и за надпись на «Речном трактире», которым Вы меня очень обрадовали¹. Тронут Вашим вниманием.

Вы очень обязали бы меня, если бы сообщили мне, в каком положении находится сейчас вопрос о дальнейшей судьбе архива и вещей Ивана Алексеевича. Хотя ряд моих попыток не увенчался успехом, я хотел бы знать, всё ли уже определилось и кончено, или еще можно предпринять какие-то новые попытки.

С сердечным приветом

Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

¹ По-видимому, Зуров выслал издание повторно: 25 мая 1962 г. Мануйлов уже благодарил его за присылку этой же книги.

33. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

22 марта 1965 г.

22/III 1965 г. Париж

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за письмо. Очень тронут. Отвечаю на Ваши вопросы.

Крупные мемориальные вещи Ивана Алексеевича Бунина (они были перечислены в телеграмме Александра Кузьмича Бабореко¹, а отправил он эту телеграмму с согласия Воронкова) я держу на складе. Малые вещи находятся у меня.

Архив Ив<ана> Алексеевича храню у себя, но все письма Марка Александровича Алданова (к Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне) купила уже библиотека Эдинбургского университета².

В каком положении находится сейчас вопрос о дальнейшей судьбе архива и вещей Ивана Алексеевича? Я запросил об этом Ал<ександра> Куз<ьмича> Бабореко. 3. I. 1965 г.³ он мне написал: «На Ваше письмо я отвечу позднее — нужно некоторое время, чтобы кое-что выяснить, переговорить с некоторыми людьми...»

А вот и выдержка из письма от 2. II. 1965 г.: «...Дело в том, что пока не могу ответить на Ваше письмо так, как хотелось бы. В отношении архива Бунина и его мемориальных вещей я написал кое-кому, встречался и разговаривал, но этого недостаточно. Главное — впереди. Напишу позднее, хотя и не могу сказать, когда именно».

В открытке от 4 марта с.г. Бабореко написал:

«Извините, пожалуйста, — очень прошу об этом, — что я долго ничего не написал вам, не ответил на Ваше последнее письмо в отношении архива И.А. Бунина. Я должен дождаться, пока выздоровеет один нужный человек, и поговорить с ним. Я всё время помню, что должен написать Вам...»

Всё это очень туманно⁴. Запросите, пожалуйста, Александра Кузьмича Бабореко. Он в курсе всех дел. Его адрес...

Ваши книги («Гоголь в Петербурге» и «Лермонтов в Петербурге»⁵) прочел с истинным наслаждением. Теперь их читают друзья, а читая, хвалят.

Я был серьезно болен несколько месяцев. Острое переутомление. Болезнь перенес на ногах. Занимался хозяйством и всевозможными делами. Сейчас продолжаю лечение⁶.

Сердечно Ваш
<Л. Зуров>

LRA. MS.1068/31029. Л. 1–1об. Черновой автограф. В архиве В.А. Мануйлова оригинал не обнаружен, но в дальнейшей переписке ученый упоминает это письмо.

¹ Телеграмма (дата не обозначена) отправлена на французском языке. Перевод: «Сохраните письменный стол и стул Бунина, столик для рукописей, столик для пишущей машинки и пишущую машинку, подставку для рукописей, стул Веры Николаевны и ее секретер, диван Ивана Алексеевича, телефон, картины и портреты. В ближайшие дни я приеду. Срочно решается вопрос о переводе вам денег. Бабореко» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 35. Л. 202).

² См.: Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ., предисл., примеч. и коммент. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 258–287; № 81. С. 110–147.

³ Возможно прочтение «30.1».

⁴ Фраза зачеркнута.

⁵ Мануйлов В.А. Лермонтов в Петербурге. Л., 1964.

⁶ Далее повторены фразы: «Вашу книгу прочел с истинным наслаждением. Теперь Ваши книги (“Гоголь в Петербурге” и “Лермонтов в Петербурге”) читают мои друзья, а читая, их хвалят».

34. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зуров

31 марта 1965 г.

31 марта 1965. Ленинград.

Дорогой Леонид Федорович!

Сердечно благодарю Вас за любезное и ласковое письмо от 22 марта с.г. и за обстоятельное изложение печального положения дел с материалами и личными вещами Ивана Алексеевича. Я уже написал Александру Кузьмичу Бабореко и буду рад, если он откликнется и мы сможем объединить наши усилия. О дальнейшем ходе событий сообщу Вам непременно.

А.К. Бабореко я никогда не встречал и у меня нет с ним пока личного контакта, но знаю и очень люблю Л.Н. Афонина и могу засвидетельствовать, что он сделал всё от него зависящее, чтобы добиться положительного решения интересующего всех нас вопроса, и если вещи всё еще находятся в Париже, а не в литературном музее в Орле, то в этом виноват не Афонин.

С сердечным приветом и глубоким уважением

Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

35. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

1 сентября 1965 г.

1 сентября 1965, Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Благодарю за очень интересную статью о гербе Лермонтова¹ — она войдет в Лермонтовиану.

Но для того, чтобы ввести ее в научный оборот, в библиографию, мне необходимо получить ее точный «библиографический адрес» — где она, в каком издании опубликована?

Заодно чьи это превосходные стихи на обороте? М. Цветаевой?²

Недавно в Коктебеле я виделся с В.А. Сафоновым³. Он мне рассказал о беседах с В. Ажаевым⁴ и с А.К. Бабореко. Общими силами мы предприняли недавно еще одну попытку сдвинуть с мертвой точки вопрос о получении вещей и материалов Ивана Алексеевича, но, как ни трудно этому поверить, дело это снова и снова увязает в непонятном болоте.

Как Вы себя чувствуете, как Ваши литературные дела?

Готовлю к сдаче в издательство книгу «По страницам героя нашего времени»⁵, где дважды ссылаюсь на Вашу отличную работу о «Тамани» и «L'Ogco» Ж. Занд. Когда книга выйдет — непременно пришлю ее Вам. Подробно рассказывал о Вашей работе и сочувственно упоминал Ваше имя в мае с<его> г<ода> в Пятигорске на VIII Лермонтовской конференции, посвященной «Герою нашего времени».

С приветом,

Ваш В. Мануйлов

Автограф.

¹ Зуров Л.Ф. Герб Лермонтова: К 150-летию со дня рождения // Новый журнал. 1965. № 79. С. 98–115.

² На соседних со статьей Зурова страницах опубликовано стихотворение поэта русского зарубежья Владимира Львовича Корвина-Пиотровского (1891–1966) «Замостье и Збараж, и Краков вельможный...» (Новый журнал. 1965. № 79. С. 116–117). Оно так заинтересовало Мануйлова, что он попросил Зурова прислать полный текст. Впоследствии он передал его ленинградскому писателю и барду Борису Александровичу Алмазову, который положил стихи на музыку и включил песню в программу своих выступлений, благодаря чему стихотворение получило известность в советской России. В исполнении Алмазова оно начинается со второй строфы «О, польское счастье, под месяцем узким...» (по информации сайта Fantlab.ru. URL: <https://fantlab.ru/work918336>; дата обращения: 02.12.2019).

³ Сафонов Вадим Андреевич (1904–2000) — прозаик, автор около сорока книг, среди которых путевые очерки, исторические романы, книги о науке и искусстве. Лауреат Сталинской премии третьей степени (1949), Гос. премии СССР (1979), награжден многими медалями и орденами. Был членом Всероссийского союза поэтов, СП СССР и СП РФ. В письме от 1 июля 1965 г. А.К. Бабореко сообщал Мануйлову о беседе с Сафоновым по поводу бунинского архива: «Вадим Андреевич согласился с тем, что надо обратиться с письмом в ЦК КПСС — от имени видных деятелей литературы. <...> К вам просьба: заручитесь поддержкой видных ленинградских писателей и ученых» (РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова).

⁴ Ажаев Василий Николаевич (1915–1968) — прозаик, автор романа «Далеко от Москвы» (1948), удостоенного Сталинской премии первой степени. С 1954 — член Правления Союза писателей. См. примеч. 5 к письму от 15 мая 1962 г.

⁵ Имеется в виду книга: Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. М.; Л., 1966. Мануйлов упоминает в ней статью Зурова, который «отметил сюжетную близость “Тамани” к рассказу Жорж Занд “L’Orco”» (с. 48). В ссылке на публикацию в «Новом журнале» ее страницы указаны ошибочно: 176–281 вместо 278–281; эта же ошибка перешла в последующие издания работы Мануйлова.

36. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 октября 1965 г.

13 октября 1965. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за открытку и за сведения о том, где напечатана Ваша статья «Герб Лермонтова». Очень полезная и содержательная статья!

Спасибо и за справку о стихотворении В.Л. Корвин-Пиотровского. Полностью ли оно напечатано на страничке, примыкающей к Вашей статье, или есть еще несколько строф, продолжающих то, что я знаю. Если есть продолжение, пришлите мне его текст до конца¹.

Воспоминания Мартынова² меня очень интересуют. Но как к ним подступиться? Нельзя ли как-нибудь заказать фотокопии или микрофильмы со всех страниц этих материалов и устроить так, чтобы они попали в архив Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (Ленинград, набережная Макарова, 4), не говоря уже об оригинале этих воспоминаний? Как это сделать, как организовать, посоветуйте!

С А.К. Бабореко у меня налачился контакт, но, видимо, ни он, ни я не можем пока сдвинуть с места разрешения затянувшегося по непонятным причинам вопроса о передаче для Орловского литературного музея обстановки и материалов из парижского кабинета Ивана Алексеевича. Это одно из самых грустных дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься.

Держите меня, пожалуйста, в курсе Ваших дел и передвижений. Если бы представилась возможность мне навестить Вас и лично выяснить все детали, может быть, я смог бы заинтересовать в большей мере наше посольство в Париже. Это еще не реальная возможность, но отдаленная надежда, даже вернее мечта.

Если будет какая-либо возможность прислать мне Воспоминания Ивана Алексеевича, пришлите, пожалуйста, они мне очень нужны для работы над книгой о Волошине. А что могу я прислать Вам, с радостью пошлю всё, что Вам будет нужно и что тут я смогу для Вас достать. Спасибо за память, за внимание.

С сердечным приветом
В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Из содержания видно, что Зуров прислал Мануйлову интересующие его библиографические сведения. В архиве ученого эта открытка не обнаружена.

² Поскольку открытка Зурова не сохранилась, неясно, что за источник имеется в виду и почему Мануйлов заинтересовался им. Хорошо известны автобиографические записки Н.С. Мартынова (Русский архив. 1893. № 8) и статья его сына С.Н. Мартынова «История дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым (Русское обозрение. 1898. № 1).

37. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

20 ноября 1966 г.

20-го ноября 1966 г. Paris.

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за милый подарок. Вашу книгу «Герой нашего времени»¹ читаю с большим увлечением. Написана превосходно. И обложка сделана с большим вкусом. От всей души поздравляю. Желаю здоровья и дальнейших успехов. Сегодня посылаю Вам оттиск «Безымянные записки»² (обнаружил в архиве И.А. Бунина первые наброски «Жизни Арсеньева»).

Сердечно Ваш Л. Зуров.

P.S. На фотографии — древний остров. Париж похож на большую ладью. Счастливой работы. Л.З.

Автограф. Открытка с видом на остров Сите, центр Парижа.

¹ Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. М., Л., 1966.

² Бунин И. Безымянные записки / Публ. и примеч. Л. Зурова // Новый журнал. 1966. № 84. С. 49–55.

38. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*22 декабря 1966 г.*

22 декабря 1966, Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Очень тронут Вашим вниманием. Благодарю Вас за присланные «Безымянные записки». Не осталось ли у Вас еще одного экземпляра Вашей публикации о «Тамани» Лермонтова и «L'Orgo» Жорж Занд? Этот оттиск очень был бы нужен для Лермонтовского кабинета Института русской литературы. Пришлите его, пожалуйста, на мой адрес, а я передам его самым верным образом.

Я бы хотел знать, есть ли какие-либо новости в вопросе о судьбе обстановки и архива Ивана Алексеевича, и каковы Ваши намерения, и каковы реальные перспективы. Если еще не поздно, я хотел бы предпринять еще несколько решительных шагов всё в том же направлении, чтобы получить эти материалы для Советского Союза, в частности для Орловского литературного музея.

С сердечным приветом
Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

39. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*18 декабря 1966 г.*

18/ХІІ 1966

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом. От всей души желаю Вам радостно встретить его. Ваша книга имеет успех. Поздравляю!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Узнайте, пожалуйста, если это, конечно, Вас не затруднит, где находились дворцовые (Зимний дворец) конюшни (в старом здании дворца, которое примыкает к Эрмитажу)? Мне говорили, что конюшни эти были обширны и велики, в них свободно поместилась вызванная Временным правительством артиллерия — трехдюймовые орудия с повозками, зарядными ящиками и конями. Всё это мне нужно для исторической повести¹. За ответ буду Вам чрезвычайно признателен и благодарен.

Желаю Вам в 1967 году успешной творческой работы.

Сердечно Ваш Л. Зуров

Открытка с видом на Триумфальную арку в Париже.

¹ Имеется в виду незавершенный роман Зурова «Зимний дворец».

40. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*11 января 1967 г.*

11 января 1967, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Благодарю Вас за поздравления с Новым годом. Примите и мои лучшие пожелания. Простите, что задержал ответ.

Конюшни находились в первом этаже Зимнего дворца, рядом с манежем. Было два въезда: с набережной и с площади. Вместимость примерно на 60 лошадей. Значит, там в 1917 году могло поместиться некоторое количество трехдюймовых орудий с зарядными ящиками и лошадьми. Кроме того, дворцовые конюшни были на Конюшенной площади (ныне площадь Желябова).

Не осталось ли у Вас еще одного оттиска Вашей статьи о “L’Orgo” Жорж Занд и «Тамани» Лермонтова? Если есть, пришлите мне, пожалуйста, это необходимо для Лермонтовского кабинета Института русской литературы Академии наук СССР.

Не слышно ли, не выходит ли у Вас или где-либо еще сборник стихотворений и поэм М. Волошина? Издание, подготовленное мною, пока тут неопределенно задерживается.

С приветом

Ваш В. Мануйлов

Автограф.

41. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*12 февраля 1967 г.*

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за письмо. Чрезвычайно признателен Вам за присланные сведения. Я еще раз просмотрел старые записи. Пушки с передками и зарядными ящиками оставлены были во дворе, а лошади были введены в конюшню. Посылаю Вам маленький план Зим<него> дворца. Очень прошу Вас отметить на нем конюшни, двор, а главное — два входа: с набережной и с площади. Свободен ли вход с Дворцовой площади и Миллионной (ул. Халтурина)? Или же там наход<ятся> ворота? Какие они?

Конюшни находились (так у меня записано) между Зимним дворцом (в запасной половине З<имне>го дворца?) и Эрмитажем. В начале Миллионной. Когда-то их обслуживали татары (одно время и Витте жил в запасной половине. Там же находилась и квартира за-

ведущего дворцом. Окна ее выходили на Неву. У зав. дворцом были выезды и кареты. Всем тогда полагались по штату казенные лошади. Этих лошадей и держали в дворцовой конюшне. А двор называли татарским^{а)}. Он прямой, не очень широкий, но длинный. От Миллионной до набережной. Вход (въезд) в конюшни был ступенчатый. На Конюшенной улице находились придворные лошади и кареты).

Простите, что Вас отрываю от дела, но эти сведения для меня очень важны. Буду Вам очень благодарен за ответ.

С радостью послал бы в Лермонтовский кабинет оттиск “L’Orcos” Жорж Занд и «Тамань» Лермонтова, но, к величайшему сожалению, все оттиски давно разлетелись по белу свету. И книжка “The New Review” (я навел справки) давно распродана.

Посылаю Вам оттиск «Письма Н.Д. Телешова к И.А. Бунину» (“The New Review” 85, декабрь 1966 г.)¹.

Относительно бунинских вещей? Получил недавно от А.К. Бабореко письмо. В нем есть такая фраза: «В деле приобретения бунинских мемориальных вещей не всё мне ясно. Одно могу сказать, что Орловский музей вещи может купить, если Вы согласитесь их передать (сговорившись относительно всех издержек и расходов)». Одно скажу: всё это очень туманно. «...Не всё ясно», «может купить», «если Вы согласитесь...», «...сговорившись (с кем? — Л.З.) относительно всех издержек и расходов...» Туман, туман, сплошной туман.

От всей души желаю Вам здоровья и успешной работы.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

12/II 1967 г. Париж

^{а)} Манеж.

Автограф.

¹ Письма Н.Д. Телешова к И.А. Бунину / Публ. и коммент. Л.Ф. Зурова // Новый журнал 1966. № 85. С. 129–140.

42. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

4 марта 1967 г.

4 марта 1967, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Ваше письмо с чертежом Эрмитажа я получил. С помощью моих друзей — старожилов Эрмитажа дам Вам почти исчерпывающий от-

вет и постараюсь прислать путеводитель с планом Эрмитажа, чтобы Вы точнее ориентировались.

Но дайте мне срок — еще дней десять. Кое-что надо уточнить. Терпение, терпение!

И непременно подтвердите получение моего следующего письма
С сердечным приветом,

Ваш В. Мануйлов

P.S. Вашу приписку о вещах И<вана> А<лексеевича> переписал в письме к Л.Н. Афонину, но он болеет, в больнице в Москве и вряд ли сейчас сможет откликнуться.

Автограф.

43. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 марта 1967 г.

13 марта 1967. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за интересную публикацию писем Н.Д. Телешева к И.А. Бунину. Чудесные письма!

Отвечаю на Ваши вопросы, связанные с Вашей литературной работой. Названия Конюшенного двора на планах XX века не оказалось. Есть «Черный проезд» — между зданиями Зимнего дворца и так называемого Малого Эрмитажа и Шуваловский проезд — между Малым Эрмитажем и зданием, состоящим из Старого и Нового Эрмитажа. В 1917 году в южной части Нового Эрмитажа помещался музей, а в северной части (Старый Эрмитаж) — так называемая 7-я запасная половина. Манеж и конюшни размещались в нижнем этаже здания Малого Эрмитажа. Все выезды из Черного и Шуваловского проездов по сторонам Малого Эрмитажа в первой половине XIX века были забраны чугунными решетками в стиле ампир на высоких цоколях с фонарями и с чугунными же решетчатыми воротами. Въезды в Манеж и конюшню были из Черного проезда. Ближе к Дворцовой площади размещался манеж, ближе к набережной Невы — конюшни. Ныне в совершенно переделанном помещении б<ывших> конюшен находится выставка слепков Пергамского алтаря.

Одновременно посылаю Вам книжечку-альбом «Государственный Эрмитаж. Планы» 1964 года издания¹. Может быть, он до Вас дойдет и поможет Вам лучше разобраться в интересующих Вас вопросах. Пожалуйста, подтвердите получение.

Как Вы себя теперь чувствуете? Я — плохо. После гриппа осложнение — астма, задыхаюсь и работаю через силу, но бодрости духа не теряю.

При случае передайте от меня сердечный привет Борису Константиновичу <Зайцеву>.

Сердечно Ваш

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Государственный Эрмитаж. Планы. Л.: Советский художник, 1964.

44. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

24 марта 1967 г.

24/III 1967 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Спешу Вас поблагодарить за исключительно доброжелательное отношение. Получил от Вас два письма (от 4-го марта и 13-го), а сегодня принесли и «Путеводитель Государственного Эрмитажа». Чрезвычайно тронут. Разобрался во всем. Спасибо сердечное за помощь. Привет Борису Константиновичу <Зайцеву> передал. Благодарит Вас и шлет Вам наилучшие пожелания.

От В. Ив. Лихоносова я получил две книжки¹ и сопроводительное письмо очень милое. Б.К. Зайцев Лихоносову уже ответил, а я, грешным делом, до того был истомлен антибиотиками, завален спешной работой, что с ответом замедлил. Но книжки я прочел очень внимательно. Через несколько дней Лихоносову напишу.

Огорчает меня состояние Вашего здоровья, но и я работаю через силу. Эпидемия бронхиального гриппа была зловредная. А в Париже липы зазеленели, в садах расцвели белые нарциссы. Видел писателя Казакова.

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости, сил, успешной работы.

Сердечно Ваш Л. Зуров

Открытка с видом Парижа.

¹ Прозаик Виктор Иванович Лихоносов (р. 1936) послал Б.К. Зайцеву и Л.Ф. Зурову свои книги «Вечер» (1966) и «Что-то будет» (1966).

Литература

Бабореко А.К. Дороги и звоны: воспоминания, письма. М.: Скифы, 1993. 211 с.
Белобровцева И.З. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Зуров Л. Иван-да-Марья. СПб.: Лимбус Пресс, 2015. С. 5–30.

«Ваше письмо... меня очень, очень тронуло». (Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным и П.Л. Вячеславовым) / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 403–444.

Голованова Т.П., Назарова Л.Н. Парижские встречи с далеким и недалеким прошлым // Бунинский сборник: материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И.А. Бунина. Орел: Орловский государственный педагогический институт, 1974. С. 295–307.

Громова А.В. Из истории литературы Русского зарубежья. Сборник Л.Ф. Зурова «Марьянка» (Париж, 1958) в отзывах читателей и критики // Русская литература. 2008. № 2. С. 203–211.

«Душевно Ваша С. Прегель». Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья, 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 516–605.

«Знаю, что вы любите древний Псков». Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева (1957–1971) / предисл. и коммент. А.М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 441–517.

Лавров А.В. В.А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 620–669.

Мануйлов В.А. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / под ред. Н.Ф. Будановой. СПб.: Европейский дом, 1999. 448 с.

Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: комментарий. М.; Л.: Просвещение, 1966. 276 с.

«Советская хроника» Ивана Бунина / публ. Д.Е. Черниговского // Рощин М.М. Иван Бунин. М.: Молодая Гвардия, 2000. С. 291–328.

References

Baboreko A.K. *Dorogi i zvony: vospominaniia, pis'ma*. [Roads and peals: Memoirs, letters]. Moscow, Skify Publ., 1993. 211 p. (In Russ.)

Belobrov'tseva I.Z. "Vidno, moia sud'ba, chto menia otseniat posle smerti" ["Apparently my fate is that I will be appreciated after my death"]. Zurov L. *Ivan-da-Mar'ia* [Ivan-da-Marya]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 2015, pp. 5–30. (In Russ.)

Golovanova T.P., Nazarova L.N. Parizhskie vstrechi s dalekim i nedal'nim proshlym [Paris meetings with the distant and recent past]. *Buninskii sbornik: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi stoletiiu so dnya rozhdeniia I.A. Bunina* [Bunin Collection:

Proc. of the Sci. Conf. dedicated to the centennial of I.A. Bunin]. Orel, Orel State Pedagogical Institute Publ., 1974, pp. 295–307. (In Russ.)

Gromova A.V. Iz istorii literatury Russkogo zarubezh'ia. Sbornik L.F. Zurova “Mar'yanka” (Parizh, 1958) v otzyvakh chitatelei i kritiki [From the history of Russian émigré literature. L.F. Zurov's collection “Mar'yanka” (Paris, 1958) reviewed by readers and critics]. *Russkaia literatura*, 2008, no. 2, pp. 203–211. (In Russ.)

“Dushevno Vasha S. Pregel’”. Perepiska S.Iu. Pregel' s L.F. Zurovym, 1938–1971 gg. [“Sincerely devoted to you, S. Pregel’”. Correspondence between S.Yu. Pregel and L.F. Zurov, 1938–1971], publ., ed., intro., and comment. P.A. Tribunskii and V. Khazan. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2014–2015 [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual, 2014–2015]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2015, pp. 516–605. (In Russ.)

Lavrov A.V. V.A. Manuilov — uchenik Viacheslava Ivanova [V.A. Manuilov as a student of Vyacheslav Ivanov]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Studies and materials], issue 1. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2010, pp. 620–669. (In Russ.)

Manuilov V.A. *Zapiski schastlivogo cheloveka: Vospominaniia. Avtobiograficheskaia proza. Iz neopublikovannykh stikhov* [Notes of a happy man: Memoiris. Autobiographical prose. From unpublished poems], ed. N.F. Budanova. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1999. 448 p. (In Russ.)

Manuilov V.A. *Roman M.Yu. Lermontova “Geroi nashego vremeni”: kommentarii* [Novel “Hero of Our Time” by M.Yu. Lermontov: Comments]. Moscow; Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1966. 276 p. (In Russ.)

“Sovetskaia khronika” Ivana Bunina [Ivan Bunin's “Soviet chronicle”], publ. D.E. Chernigovskii. Roshchin M.M. *Ivan Bunin*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2000, pp. 291–328. (In Russ.)

“Vashe pis'mo... menya ochen', ochen' tronulo”. (Perepiska S.Iu. Pregel' s L.V. Nikulinym i P.L. Viacheslavovym) [“Your letter touched me very, very much”. Correspondence of S.Yu. Pregel with L.V. Nikulin and P.L. Viacheslavov], publ., ed., intro. and comment. V. Khazan. *Metropoliia i diaspora: dve vetvi russkoi kul'tury. 5 Kul'turologicheskie chteniia “Russkaia emigratsiia 20 veka”* [Metropolitan and diaspora: two branches of Russian culture. 5th cultural Proc. “Russian Emigration of the 20th Century”]. Moscow, Marina Tsvetaeva House-museum Publ., 2015. pp. 403–444. (In Russ.)

“Znaiu, chto vy liubite drevnii Pskov”. Perepiska L.F. Zurova i V.I. Malysheva (1957–1971) [“I know you like the ancient Pskov”: Correspondence between Leonid Zurov and Vladimir Malyshev (1957–1971)], intro. and comment. A.M. Lyubomudrov. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2016 [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2016]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual Publ., 2016, pp. 441–517. (In Russ.)

**“Everything simple and clear
has been turned into incredibly complex by someone”.
Correspondence between Leonid Zurov and Viktor
Manuilov (1961–1967)**

© 2020, Alexei Lyubomudrov

Abstract: For the first time a complete correspondence between Leonid Zurov (1902–1971), the writer of the Russian Diaspora, and Viktor Manuilov (1903–1987), a famous literary researcher, is introduced into a scientific usage. The main theme of their letters is the problem of transferring to Russia Ivan Bunin’s manuscript and memorial heritage, of which Zurov became the owner. The publication clarifies the reasons why the long and hard negotiations ended without any success. It allows to define more exactly the details and circumstances of this case. The correspondence affects the names of many key figures of cultural life both of the Russian abroad and Metropolitan area. It characterizes those persons who actively supported the return of Bunin’s legacy as well as officials who blocked the process. The material reflects the struggle of Russian writers, scientists, museum curators against the Soviet bureaucratic machine for which Bunin was always ideologically alien. It paints a picture of the public sentiment and the Soviet cultural policy of the 1960s. Some letters concern Zurov’s articles devoted to M. Lermontov as well as his work on the novel “Winter Palace”. The publication allows to clarify Zurov’s psychological portrait and to identify a number of significant episodes in the V. Manuilov’s scientific biography.

Keywords: Leonid Zurov, Viktor Manuilov, Ivan Bunin’s archive, Russian emigration, Russian literature, correspondence.

Information about the author: Alexei Lyubomudrov, Dr. Hab. of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: anketaspb@yandex.ru

Citation: Lyubomudrov Alexei. “Everything simple and clear has been turned into incredibly complex by someone”. Correspondence between Leonid Zurov and Viktor Manuilov (1961–1967). *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 119–181. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181